

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО МОРЯКА.

СТАТЬЯ I.

ВОСПОМИНАНІЕ О БЫЛОМЪ.

При открытіи балтійской навигаціи въ 1812 году, когда Франція, будучи въ союзъ съ Россіею, подвигала къ ея границамъ огромныя сухопутныя силы, Англія же, находясь въ разрывѣ съ нами, выслала въ Балтійское море нѣсколько линейныхъ кораблей и большое число мелкихъ

* Редакція получила сію статью при слѣдующемъ письмѣ:

«Разбирая бумаги покойнаго моего отца, служившаго во флотѣ, я нашелъ нѣсколько тетрадей, написанныхъ собственной его рукою и потому онѣ считались въ семействѣ нашемъ священнымъ «памятникомъ, который мы тщательно хранили. Каждая изъ сихъ «тетрадей содержитъ въ себѣ особый предметъ морскаго описанія «и во всѣхъ этихъ описаніяхъ видна послѣдовательность событій, «принадлежащихъ къ одному времени, но безъ соблюденія хронологіи.»

«Прошлаго года, пріѣзжій въ отпускъ морской офицеръ, узнавъ «объ этихъ запискахъ, просилъ ихъ у меня для прочтенія и, по «возвращеніи, замѣтилъ, что онѣ могутъ заинтересовать всякаго «возраста моряковъ, а молодые найдутъ въ нихъ и полезное. Въ Апрѣлѣ «мѣсяцѣ нынѣшняго года получилъ я отъ того же офицера увѣдомленіе, что нынѣ издается Морской Сборникъ и потому онъ просилъ меня снять копіи съ упомянутыхъ записокъ и препроводить ихъ прямо отъ себя въ редакцію того журнала, убѣждая «меня тѣмъ, что записки покойнаго моего родителя, принадлежа «къ чтенію легкому, имѣютъ въ себѣ интересъ и собственно морскаго дѣла, почему и надѣется, что онѣ получатъ мѣстечко въ «Морскомъ Сборникѣ. Вотъ причина, заставившая меня обратиться «въ редакцію вашего журнала.»

«Копію съ первой тетради, заключающую Воспоминанія о быломъ», при семъ прилагаю и если она удостоится помѣщенія въ

военныхъ судовъ;—въ то время въ Кронштатѣ вооружался весь нашъ флотъ, и въ военной, средней и купеческой гаваняхъ было такое стеченіе людей, что едва ли увидишь и десятую долю того въ самый свѣтлый весенній день на многолюднѣйшемъ изъ бульваровъ нашей столицы. Бывало, съ ранняго утра, молодежь наша сѣшится въ гавань, какъ на лучший пиръ. Одни по обязанности службы, другіе, чтобъ полюбоваться на вооруженіе судовъ и послушать дудокъ при производствѣ корабельныхъ работъ. Дудка—это нашъ весенній жаворонокъ. Первый весенній свистъ ея, при вооруженіи, идетъ прямо къ сердцу, и морякъ чувствуетъ истинное наслажденіе. Кто же принимаетъ этотъ первый призывъ съ равнодушіемъ, того можно назвать жалкимъ морякомъ и не роднымъ сыномъ нашей прекрасной стихіи; тотъ ищетъ удовольствій на бульварѣ и не можетъ

«Сборникѣ, то немедленно будутъ высланы и послѣдующія, а именно: Шквалъ съ подвѣтра. Удачно выполненное предписаніе, чрезъ неудачное управленіе судномъ. Выдумка англійскихъ шкиперовъ къ уничтоженію континентальной системы, изобрѣтенной Наполеономъ. Превращеніе датскаго приватира въ нашъ транспортъ и встрѣча съ англійскимъ бригомъ. Нѣчто о верхнемъ рангоутѣ нашихъ военныхъ судовъ, и бѣглый взглядъ на старый бытъ нашего флота.»

«Ежели кто изъ сослуживцевъ покойнаго отца моего пожелалъ бы, изъ любопытства, узнать его имя, тотъ можетъ обратиться къ спискамъ 1812 года, когда онъ былъ на бригѣ Меркурій четвертымъ офицеромъ, а я имѣю честь быть вѣчно помнящимъ его сыномъ и вашимъ покорнѣйшимъ слугою. К....

Редакція приноситъ искреннюю благодарность почтенному корреспонденту, за присылку этой интересной статьи и проситъ о продолженіи. Желательно, чтобы этотъ примѣръ нашелъ многихъ послѣдователей между старыми зейманами. Кто изъ нихъ въ запасѣ своихъ воспоминаній не имѣетъ чего нибудь, о чемъ ему пріятно поговорить съ своими современниками, что интересно и полезно узнать новому поколѣнію моряковъ, и что часто можетъ имѣть важность и для исторіи?

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь слова одного изъ нихъ, который, въ краткой, но умной и дѣльной рецензіи Морскаго Сборника (Сѣв. Пч. 1848 г. № 82), говоритъ между прочимъ слѣдующее:

понимать ихъ въ гавани—въ этой кипучей дѣятельности нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ этомъ оригинальномъ оркестрѣ разнородныхъ артистовъ: боцмановъ съ дудками, марсовыхъ съ трѣканьемъ, баковыхъ съ припѣвами на вулинггахъ, и пр. и пр., гдѣ люди, какъ муравьи, хлопчутъ, трудятся около любимыхъ гнѣздъ своихъ; гдѣ они, какъ пауки, разводятъ свои паутины, качаясь въ воздухѣ на брамъ-штагахъ и подъ клотиками; и гдѣ наконецъ тѣ же люди становятся какъ бы выше людей, когда въ заключеніе трудовъ своихъ, они представляютъ вашимъ взорамъ—величайшее и прекраснѣйшее изъ изобрѣтеній рода человеческого—военный корабль.

Во время общаго вооруженія въ гавани, всѣ постороннія идеи у моряковъ далѣко отброшены, и вездѣ вы услышите лишь толки о корабляхъ, о ходакахъ - фрегатахъ,

«Каждый морякъ, пробѣжавъ книжечку эту со вниманіемъ и участіемъ, убѣдится, во-первыхъ, въ значительной пользѣ ея, а во-вторыхъ и въ возможности болѣе или менѣе содѣйствовать полезной цѣли издателей. У кого изъ моряковъ не найдется въ запискахъ или въ памяти чего нибудь, заслуживающаго вниманія его товарищей? Кто не видалъ, не испыталъ, не слышалъ или не читалъ что либо достойное общаго свѣдѣнія, обсуждения или испытанія? Мы говоримъ не объ однихъ открытіяхъ, составляющихъ эпоху въ наукѣ или искусствѣ, ни о мелочахъ, безъ которыхъ однако же не можетъ состояться и самое важное, существенное; мы говоримъ о статьяхъ литературныхъ по этой части, которыя также точно, какъ и устная бесѣда, знакомятъ, сближаютъ, поощряютъ и поддерживаютъ любовь и привязанность къ своему званію, къ размышленію и полезнымъ трудамъ.

«Мы привязались съ этимъ вопросомъ къ первому попавшемуся намъ отставному моряку, который уже болѣе двадцати лѣтъ оставилъ флотъ; а такъ какъ онъ ни въ чемъ намъ не противорѣчилъ, то мы и требовали отъ него неотступно, чтобы онъ тотчасъ же оправдалъ слова наши на дѣлѣ, и вспомнилъ бы и сообщилъ что либо, годное для помѣщенія въ Морскомъ Сборникѣ. Хотя требованіе это и застало его врасплохъ, не менѣе того, однако же, онъ, подумавъ, сказалъ: «пишите», и мы записали слѣдующее:

«Бываютъ случаи, когда довольно затруднительно достать хорошихъ дубовыхъ кокоръ для шпангоутовъ гребныхъ судовъ. Само собою разумѣется, что я не говорю о нашихъ адмиралтействахъ»

о бригахъ-красавцахъ, о положеніи мачтъ, о перевязкѣ вантъ, о лихихъ капитанахъ и о другихъ безчисленныхъ судовыхъ вопросахъ. Отъ охотниковъ до политики, вы узнаете ихъ несомнѣнные предположенія на счетъ движеній флота: что онъ будетъ высланъ немедленно въ море для того или другаго дѣйствія; что мелкія суда, при первомъ открытіи водъ, выйдутъ изъ гавани для наблюденій и крейсерства около балтійскихъ береговъ и тому подобное. И во всемъ этомъ говорѣ, вы замѣтите общее, единодушное стремленіе—скорѣе выступить въ море.

Въ настоящее время, наши политики ошиблись въ своихъ предположеніяхъ, какъ это и часто случается: первый, отданный приказъ по Флоту, выйти немедленно на рейдъ, относился только къ 44-хъ пушечному фрегату Амфитрита и 20-ти пушечному брику Меркурій. На послѣднемъ изъ

«гдѣ всего вдоволь, но случаи эти бываютъ, какъ я испыталъ на дѣлѣ. Выпиливать шпангоуты изъ досокъ очень хлопотно и не прочно: слои мѣстами пойдутъ поперекъ; а между тѣмъ, почти во всякой деревнѣ, и, конечно, уже во всякомъ городишкѣ есть товаръ дешевый и до того удобный для выдѣлки изъ него шпангоутовъ на гребныя суда, что его едва ли не должно предпочесть даже кокорамъ; сколотите помостъ изъ толстыхъ горбылей, разбейте на немъ по чертежу шпангоуты, прикажите вырубить въ помостѣ по этому чертежу пазы, шириною въ ладонь; купите обыкновенныхъ дубовыхъ ободьевъ, положите ихъ на сутки въ воду, а потомъ, отрубивъ по мѣркѣ, кладите въ пазы, прикажите ихъ во всю длину туго заклинить и оставить въ этомъ положеніи на нѣсколько дней для просушки, подкрѣпляя по временамъ клинья, и вы получите шпангоуты, какихъ лучше нельзя желать; они даже будутъ прочнѣе всѣхъ вырубленныхъ и выпиленныхъ, потому что всѣ слои ихъ идутъ вдоль.»

«Слышали ли вы, что у насъ называютъ шелюгой? Это родъ вербы, лозы или ракитника, растущаго на пескахъ и болотахъ; шелюга необычайно приживчива и плодуча, а потому и начали въ послѣднее время, въ Орловской и другихъ губерніяхъ засаживать ею сыпучіе пески, которые порастаютъ сплошь въ нѣсколько лѣтъ. Кора шелюги этой, которую можно вырубать ежегодно, потому что она опять подрастаетъ, чрезвычайно прочна, не гниетъ и не боится сырости; по этому изъ нея не только плетутъ хорошіе лапти, кошели и корзины, но вяжутъ и веревки, которыя,

нихъ я имѣлъ честь служить четвертымъ офицеромъ. Товарищи мои считали меня счастливецомъ. Было чему и позавидовать. Кромѣ ранней кампаніи, брикъ Меркурій имѣлъ отличныя качества и былъ вооруженъ, въ полномъ смыслѣ, на щегольскую руку. Капитанъ нашъ всегда говаривалъ, что, за отличное состояніе брика, много обязанъ молодымъ нашимъ Офицерамъ, возвратившимся изъ Англіи, и

«при чрезвычайной жесткости своей и недостатку гибкости, бывають, однако же, гораздо крѣпче и прочнѣе пенъковыхъ. Смѣйтесь, если хотите, но я бы предложилъ испытать у насъ кору или лыко шелюги для тросовъ на стоячій такелажъ: о томъ, что это обошлось бы въпятьеро или въдесятеро дешевле и говорить нечего, но эти тросы будутъ вдвое прочнѣе; а для вантъ, наприимѣръ, нельзя пренебрегать такимъ обстоятельствомъ.»

«Пишите, если на то пошло, и третью замѣтку мою, хоть она и еще пустѣе двухъ первыхъ, но и она также можетъ пригодиться: рѣчь пойдетъ о матрозовскихъ свайкахъ. Марсовому нельзя быть безъ свайки; а между тѣмъ, деревянная не прочна, а иногда не годна для работы; желѣзная же тяжеловата, да сверхъ того не совсѣмъ рѣдко пробиваетъ голову тому, кто не въ попадѣ повернется на шканцахъ или на бакѣ, не разслышавъ за вѣтромъ, крика: полундра! Нѣтъ ничего лучше для матрозовской свайки, какъ сайгачій рогъ; онъ плотенъ, крѣпокъ почти какъ желѣзный, а притомъ легче деревянаго. Сайгачьи рога закупить можно, около Астрахани и Уральска тысячами, копѣекъ по 20-ти мѣдя за пару.—Будетъ на первый случай: три новости сообщили; засмѣете, такъ хоть не назовете упрямымъ.»

«А описаніе очевидными современными событіями на нашемъ флотѣ, которыя—много ли, мало ли, но все таки есть—развѣ это одно не увлекло бы за собою вниманія и участія всѣхъ моряковъ?—Гибель Англійскаго брига «Снэкъ», фрегата «Эвенджеръ», Французскаго корвета «Кювье», и проч., конечно занимательны; но кому изъ насъ не ляжетъ ближе къ сердцу описаніе крушенія четырехъ или пяти Русскихъ военныхъ судовъ у Абхазскихъ береговъ, о чемъ мы знаемъ только поверхностно изъ вѣдомостей,—крушенія, которому едва ли былъ примѣръ въ исторіи мореходства: тендеръ превратился въ ледяной курганъ, въ ледяную могилу, подъ которою погребенъ былъ весь экипажъ, и который нисился по волнамъ съ крестомъ на вершинѣ своей, образовавшемся стеньгою и рейкомъ....

«Все это, вѣроятно, прочтемъ мы въ Сборникѣ, если только оставной морякъ мой, разсуждающій объ ободяхъ, и лыкахъ и

служившимъ прошлую кампанію на брикѣ. * Между прочимъ я слышалъ отъ него, что они первые ввели въ употребленіе привязку парусовъ по леерамъ и въ 1811 году только и были привязаны паруса такимъ образомъ на брикѣ Меркурій и, помнится, еще на транспортѣ Бобръ, командиръ коего М. Н. С. ** былъ изъ числа тѣхъ же офицеровъ.

Много и другихъ полезныхъ улучшеній, по всѣмъ частямъ вооруженія, введены сими достойными офицерами.

Приготовляясь служить на такомъ брикѣ, я былъ истинно въ восхищеніи. Для молодого офицера, на мелкомъ судѣ, кругъ дѣйствія несравненно обширнѣе. Кого не порадуетъ командованіе вахтою? Признаюсь однакожъ (потому что дѣло это уже прошлое), что восторгъ мой охлаждался нѣсколько при видѣ огромнаго, брикского рангоута. Вообще наши военныя суда того времени имѣли парусность болѣе нынѣшней; на брикахъ же она была доведена до такой степени, что отъ тяжести рангоута садились чиксы на мачтахъ, а на стеньгахъ, отъ брамъ-стенегъ и рей,—заплечики, къ коимъ въ послѣдствіи принуждены были придѣлывать дубовыя планки. По представленію капитана, убавлены были на брикѣ нижніе рей на три фута,

«сайгачьихъ рогахъ, найдетъ послѣдователей — въ чемъ, конечно, нѣтъ ни какой причины сомнѣваться!»

Редакція Морскаго Сборника приметъ съ благодарностію всякое сообщеніе сего рода.

* По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Архива видно, что въ 1811 году бригамъ Меркурій командовалъ Лейтенантъ Павелъ Сушовъ (нынѣ Вице Адмиралъ). На семъ брикѣ были Лейтенанты: Куличкинъ, М. П. Лазаревъ (нынѣ Адмиралъ), Мичманъ Кадьянъ, Штурманъ 12 класса Буйловъ, Помощникъ 14 класса Понамаревъ, артиллеріи унтеръ Лейтенантъ Шашкевичъ. Въ 1812 году бригамъ Меркурій командовалъ Капитанъ Лейтенантъ Павелъ Ивановичъ Сушовъ; офицеры были: Лейтенанты Андрѣевъ 2-й, Суроختинъ 1-й, Мичмана Котельниковъ 1, Василій Ханыковъ. Прим. Ред.

** Мих. Ник. Станюковичъ, нынѣ Контръ Адмиралъ и Начальникъ 4 флотской дивизіи. Командовалъ онъ не транспортомъ Бобръ, но Соболевъ. Прим. Ред.

а прочіе въ соразмѣрности; но за всѣмъ тѣмъ рангоутъ оставался еще очень высокимъ. *

Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля мѣсяца, фрегатъ Амфитрита вышелъ на рейдъ, вскорѣ за нимъ и нашъ брикъ. Командиру фрегата И. С. Т., ** офицеру опытному и дѣятельному, порученъ былъ отрядъ, состоявшій изъ ввѣреннаго ему фрегата, нашего брика и корвета Помона, зимовавшаго въ Свеаборгѣ. — Мая 2-го, при шквалѣ со снѣгомъ отъ О-та, фрегатъ и брикъ, рано утромъ, снялись съ кронштатскаго рейда, и на другой день, на высотѣ Свеаборга, соединились съ корветомъ Помона. Начальнику отряда предписано было идти со ввѣренными ему судами къ курляндскимъ берегамъ, для крейсерства; по приходѣ на мѣсто, отправить донесеніе о томъ, чрезъ Либаву или Виндаву, въ главную квартиру нашей арміи, расположенную на границѣ; — и имѣть, сколь возможно частое сношеніе съ курляндскими портами. Въ разсужденіи англійскихъ военныхъ судовъ, намъ было предписано уклоняться отъ встрѣчи съ ними; при неизбѣжномъ же сближеніи въ туманѣ или пасмурности, не нападать на нихъ; но если будемъ атакованы ими, то сражаться съ самоотверженіемъ, какъ всегда подобаетъ русскому воину. Въ предписаніи о датскихъ приватирахъ, которые были во множествѣ высланы изъ датскихъ портовъ, строго подтверждено было нашимъ судамъ брать ихъ или истреблять.

* Въ 1813 году должны были еще укоротить нижніе рей на три фута, а сообразно съ ними и другіе рей.

** Фрегатомъ Амфитрита въ 1812 году командовалъ Кап. 2 р. Иринархъ Степановичъ Тулубьевъ. Офицеры на немъ были: Кап.-Лейт. Александръ Всеволожскій, Лейтенантъ О. Калининъ, Алексѣй Шестаковъ, Кн. Платонъ Шихматовъ (нынѣ товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія) и П. Тыртовъ; Мичмана: К. Торсонъ. А. Радишевъ Н. Наумовъ и С. Наумовъ, Гардемарины А. Змѣевъ; Морск. артиллеріи Лейтенантъ П. Высоцкій, Унтеръ Лейтенантъ М. Тулубьевъ. Корветомъ Помона въ 1812 году командовалъ К. А. Петръ Мистровъ; офицеры корвета были: Лейтенанты Е. Тыртовъ, С. Гриневскій; Мичмана: Н. Вороновъ, М. Норманскій. Констапели Морск. и Артиллеріи Н. Наумовъ и М. Губачевскій. *Прим. Ред.*

По прибытіи на мѣсто крейсерства, начальникъ отряда отправилъ немедленно брикъ Меркурій въ Виндаву съ донесеніемъ о своемъ приходѣ. Предъ захожденіемъ солнца, при бомъ-брамсельномъ вѣтрѣ отъ N, нашъ брикъ поставилъ всевозможные паруса, не исключая трюмселей и бомъ-трюмселей, которые были треугольные, и любимымъ курсомъ своимъ, въ галфвиндъ, полетѣлъ, какъ птица, къ мѣсту назначенія. Погода и вѣтеръ были такъ постоянны, что во всю ночь мы не тронули ни одного браса, ни шкота; съ разсвѣтомъ открылся курляндскій берегъ; въ 8 часовъ утра увидѣли Виндаву, и вмѣстѣ съ тѣмъ, усмотрѣно было, по тому же направленію судно, идущее въ галфвиндъ, какъ и мы, но противнымъ съ нами галсомъ. По вооруженію, оно казалось военнымъ, хотя за дальностію нельзя было положительно опредѣлить этого. Мы бѣжали 7 узловъ; оно также не менте, что и сблизило насъ въ самое короткое время. Тогда мы ясно увидѣли не большое военное судно, приближавшееся къ намъ безъ флага; мы также не имѣли флага. Когда же сблизились съ этимъ судномъ до разстоянія добрыхъ трехъ выстрѣловъ, капитанъ нашъ приказалъ поднять флагъ и ударить тревогу, тотчасъ на немъ развернулся англійскій флагъ. Тогда, убравъ трюмсели и лисели, привели мы къ вѣтру. Съ приближеніемъ же его къ намъ на два пушечныхъ выстрѣла, и онъ сталъ спускаться на фордевиндъ. Такимъ образомъ съ какою скоростію мы сходились, съ тою же и разошлись. Мы спустились въ Виндаву на O, а онъ привелъ къ вѣтру и пошелъ къ западу. Въ послѣдствіи, мы не рѣдко встрѣчались съ военными англійскими судами, и точно такимъ же образомъ обоюдно маневрировали, изъ чего и заключали, что онѣ имѣли одинаковыя предписанія отъ своего правительства для дѣйствій, при встрѣчахъ съ нашими судами, какое и мы имѣли въ отношеніи къ нимъ.

По исполненіи порученія, брикъ Меркурій соединился съ отрядомъ. Крейсерство наше было чрезвычайно пріятное, ибо рѣдкій день проходилъ безъ сигнала: «гнать

за показавшимся судномъ», и какъ брикъ нашъ ходилъ такъ хорошо, что всякое судно, открывавшееся на горизонтѣ, чрезъ пять или много чрезъ шесть часовъ находилось уже подъ нашими выстрѣлами, то и случалось имѣть, въ однѣ сутки, двѣ и три такія погони. Съ полною надеждою захватить датскаго приватира или, по крайней мѣрѣ, непріятельское купеческое судно, мы всегда гнались съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что исключая американскихъ судовъ, всѣ другія суда старались убѣждать отъ насъ и тѣмъ самымъ поддерживали пріятныя надежды на призы. Но къ великому сожалѣнію нашему, надежды эти не оправдывались. По строгому осмотру бумагъ, мы находили всѣ суда принадлежащими Пруссіи, или Мекленбургу, или другимъ нѣмецкимъ союзнымъ портамъ. Когда же ихъ спрашивали, для чего они уходили отъ насъ, одни объявляли, что приняли брикъ нашъ за англійскій; другія, что считали насъ датскимъ приватиромъ, и какъ курсы этихъ судовъ направлены были прямо въ наши порта, то, при найденныхъ у нихъ бумагахъ, и показанія ихъ казались удовлетворительными. Въ послѣдствіи однакожь открыта была нами настоящая причина ихъ дѣйствій.

Отрядъ нашъ почти ежедневно подходилъ на видъ Либавы и чрезъ день или два, если вѣтръ не дулъ прямо на берегъ, посылали по очередно корветъ или брикъ къ городу, куда немедленно отправлялась шлюпка съ офицеромъ за бумагами съ почты, за мясомъ или зеленью для команды и за новостями о нашей арміи. Въ началѣ Іюня, офицеръ, посланный въ Либаву привезъ извѣстіе, что между жителями носятся слухи, будто бы французская армія переходитъ наши границы. Офицеръ нашъ обращался къ мѣстному начальству города съ вопросомъ объ этомъ, но оно объявило ему, что не имѣетъ никакихъ официальныхъ извѣстій. На отрядъ нашъ, съ этою почтою, никакихъ бумагъ небыло.

Съ грустными чувствами возвращались мы въ тотъ разъ къ назначенному рандеву, на соединеніе съ фрега-

томъ Амфитрита, и не найдя его на мѣстѣ, полагали, что онъ отдѣлился за какимъ нибудь усмотрѣннымъ судномъ, и легли въ дрейфъ.

Чрезъ часъ послѣ того на вѣтрѣ показалось судно, лежащее прямо на насъ, которое мы и приняли за Амфитриту. По приближеніи же его, увидѣли въ немъ небольшое военное судно и сдѣлали ему опознательный сигналъ, на которой оно, вмѣсто отвѣта, подняло англійскій флагъ. Капитанъ нашъ также приказалъ подвять кормовой флагъ и мы полагали, что приближающееся судно тотчасъ перемѣнитъ курсъ, чтобы удалиться отъ насъ, какъ это обыкновенно дѣлалось между нами. Но оно осталось на томъ же румбѣ и быстро къ намъ приближалось. Капитанъ приказалъ приготовиться къ бою, и мы ожидали нападенія. Однакожъ англійскій брикъ, не дойдя до пушечнаго выстрѣла, привелъ въ бейдевиндъ на одинъ съ нами галсъ, сбросилъ съ боканцевъ яликъ и тотчасъ англійскій офицеръ присталъ къ нашему борту. Онъ явился къ капитану, передалъ ему отъ своего, обыкновенное привѣтствіе; спросилъ извѣстно ли намъ, что французская армія перешла наши границы, присовокупивъ, что извѣстіе это получено ими изъ Мемеля, и въ заключеніе, желалъ знать: не видали ли мы трехъ мачтовое судно, замѣчательное тѣмъ, что имѣетъ форъ-марсель болѣе гротъ-марселя и сказалъ, что это высланный изъ Данцига, французскій приватиръ, за которымъ посланъ ихъ брикъ адмираломъ Мартеномъ, чтобъ взять его или истребить.

Послѣ отрицательнаго отвѣта съ нашей стороны, офицеръ раскланялся, и немедленно, по возвращеніи шлюпки, англійскій брикъ, поворотивъ на другой галсъ, скрылся отъ насъ подъ всѣми парусами.

Таково было первое сношеніе наше съ англійскимъ военнымъ судномъ, и, по видимому, оно было довольно имъ не менѣе нашего. Въ эту кампанію, мы не могли равнодушно смотрѣть на дѣятельность англійскихъ военныхъ судовъ, непрерывно носившихся подъ всевозможны-

ми парусами, по различнымъ направленіямъ. Любопытно было замѣчать ихъ встрѣчи между собою. Едва завидятъ они другъ друга, какъ начинается работа телеграфами и не прекращается до тѣхъ поръ, пока уничтожится всякая возможность разбирать цвѣта флаговъ по дальности разстоянія; въ дрейфъ же они ложатся только въ крайней необходимости. Безпрестанно вертѣлись они у портовъ, занятыхъ непріятелями; не упускали случаевъ собирать нужныя для себя свѣдѣнія и подъ различными вымышленными предлогами поднимали переговорные флаги для сношенія съ берегомъ. Въ послѣдствіи, мы узнали, что они въ каждомъ портѣ имѣли людей, кои ожидали ихъ, какъ дорогихъ гостей; агенты эти сообщали имъ обо всемъ подробныя извѣстія; и если имъ не удавалось, иногда, передать присланному офицеру бумагу съ новостями, то они пользовались минутами, когда этого офицера вели къ городскому начальству и вся масса любопытныхъ обращалась за нимъ: тогда они продавали хлѣбъ и фрукты гребцамъ, а въ нихъ передавали и записки.

Къ вечеру фрегатъ Амфитрита возвратился изъ погони. Капитанъ нашъ ѣздилъ къ начальнику отряда съ донесеніемъ о полученныхъ свѣдѣніяхъ съ англійскаго брика, и о подобныхъ же слухахъ въ Либавѣ. На другое утро соединился съ нами корветъ Помона, ходившій въ Стокгольмъ съ денешами,—и въ тотъ же день, капитанъ нашъ потребованъ былъ на флагманскій фрегатъ, и возвратясь, приказалъ поставить всѣ паруса и спуститься на Либавскій рейдъ. Къ полудню слѣдующаго утра, мы пришли на видъ города, и, оставшись подъ парусами, послали шлюпку съ офицеромъ въ Либаву: отдать бумаги на почту, принять пакеты къ начальнику отряда и узнать отъ береговаго начальства, не имѣетъ ли оно особенныхъ извѣстій изъ арміи.

На Либавскомъ рейдѣ мы нашли шведскій фрегатъ, державшійся подъ парусами. Въ 4 часа по полудни, показалось отъ S-да судно, идущее вдоль берега, въ бейдевиндъ, противнымъ галсомъ тому, на какомъ лежали мы и швед-

скій фрегатъ. Скоро, подбѣжавъ къ фрегату, оно было съ нимъ равно на вѣтрѣ, но не спускалось, хотя имѣло шведскій купеческій флагъ. Это меня очень заинтересовало; я не спускалъ съ него трубы.

Разстояніе между нимъ и фрегатомъ оставалось такъ мало, что одинъ моментъ замедленія неминуемо подвергнулъ бы ихъ обоихъ сильному удару; но купеческое судно положило руль подъ вѣтръ и мгновенно поворотило почти на самомъ бушпритѣ фрегата, который былъ поставленъ въ необходимость положить гротъ марсель на стеньгу.

Поворотъ этого судна навелъ на меня сомнѣніе, ибо при быстромъ переносѣ заднихъ парусовъ, грота-галсъ и шкотъ посажены были въ одинъ моментъ съ реями на свои мѣста, не смотря на свѣжій бом-брамсельный вѣтръ. Пролежавъ не болѣе трехъ минутъ на новомъ галсѣ, оно поворотило на прежній, прошло на вѣтрѣ фрегата, убирая по одиначкѣ брамсели, и потомъ, спустившись къ нему подъ корму, стало приводить у него подъ вѣтромъ. Въ это время, съ фрегата отвалилъ яликъ. Мы полагали, что онъ посланъ для опросу судна, но, къ совершенному удивленію нашему, увидѣли, что пришедшее судно поднимаетъ его на свои боканцы. Вѣроятно, оно сбросило яликъ и отправило на фрегатъ, находясь у него на вѣтрѣ, въ то время, когда мы были на одномъ румбѣ съ ними обоими, почему и не могли замѣтить спуска ялика и были удивлены его поднятіемъ. Послѣ чего, купеческое судно, тотчасъ спустилось въ Либаву. Оно такъ заинтересовало всѣхъ насъ, что капитанъ, слѣдившій во все время за его движеніями, обратился къ намъ и сказалъ, чтобы всѣ съ вниманіемъ осмотрѣли его при проходѣ, и если кто замѣтитъ въ немъ что либо, похожее на военное судно, то сейчасъ же объявить о томъ. Оно проходило не болѣе четырехъ кабельтовоу отъ насъ и сколько мы не напрягали зрѣніе, чтобы увидѣть на немъ орудія или порта или лишнихъ людей,—никто ничего не замѣтилъ. Одиъ только реи его казались намъ длиннѣе купеческихъ, но

вообще вооруженіе, не походило на военное. Форъ-марсель его имѣлъ четыре рифа, а гротъ марсель три; передняя брамъ-стенъга была съ голымъ флагштокомъ, а гротовая съ бомъ-салингомъ; третья мачта была голая съ бизанью и гофъ-топселемъ. Пройдя нашъ бригъ, оно спустило флагъ. Капитанъ приказалъ держать къ Либавѣ однимъ съ нимъ курсомъ и поставить фокъ;—мы начали замѣтно отставать. Приказано поставить брамъ-сели, послѣ чего, хотя мы и могли съ нимъ держаться, однакожъ онъ имѣлъ нѣкоторое преимущество въ ходу, неся противъ насъ лишніе только бомъ-брамсели. Капитанъ, замѣтивъ это, спросилъ насъ: видѣли ли мы когда либо купеческое судно подъ всѣми парусами, которое могло бы держаться съ брикомъ при его фокѣ и брамселяхъ? Онъ досадовалъ, что въ присутствіи шведскаго фрегата не могъ его опросить, тогда какъ форъ-марсель съ четырьмя рифами, заставилъ подозрѣвать его, что онъ тотъ самый французскій приватиръ, о которомъ говорилъ намъ англійскій брикъ. Но вскорѣ дѣйствія этого купеческаго судна развили намъ руки для его осмотра. Подходя къ Либавѣ, на немъ подняли американскій флагъ. Бросивъ якорь, оно осталось съ поднятыми марса-фалами, пока не стемнѣло; тогда на немъ убрали всѣ паруса и крѣпили ихъ уже не по купчески. Капитанъ нашъ приказалъ подойти къ нему, и какъ въ тоже время возвратилась съ берега наша шлюпка съ офицеромъ, В. Я. Х., * то ему и поручено было ѣхать на это судно и осмотрѣть тщательно его бумаги; имѣетъ ли оно пушки и въ какомъ числѣ; сколько на немъ команды; обратить вниманіе на каюты, палубу, трюмъ и узнать причину перемѣны шведскаго флага на американскій. Посланный офицеръ возвратился на брикъ очень поздно и донесъ, что этотъ купецъ—есть англійскій военный брикъ, которымъ командуетъ мастеръ ко-

* Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сей кампаніи, этотъ достойный офицеръ, особенно уважаемый капитаномъ, оставилъ флотъ и занимаетъ теперь почетное мѣсто въ государственномъ управленіи.

мандеръ Джонъ Р. Удивленный капитанъ не довѣрялъ по видимому донесенію, и приказалъ во всю ночь дѣлать короткіе галсы около судна, и, по усмотрѣніи малѣйшаго на немъ движенія, тотчасъ дать ему знать. Но оно стояло покойно на якорѣ и съ восходомъ солнца, когда показавшійся фрегатъ Амфитрида потребовалъ отъ насъ сигналомъ «немедленнаго соединенія», мы отвѣчали, что имѣемъ въ виду подозрительное судно. Фрегатъ подошелъ къ намъ. Въ 8 часовъ утра нашъ капитанъ былъ уже на немъ, а въ 9-ть онъ, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда, присталъ къ замаскированному бригу. Спустя нѣсколько времени, они, на томъ же катерѣ, пошли въ Либавскій каналъ, а брикъ и фрегатъ получили приказаніе стать на якорь.

По возвращеніи нашего капитана, онъ передалъ намъ все, что насъ интересовало объ этомъ суднѣ и о пребываніи своемъ на берегу. Вотъ собственные слова его:

При входѣ нашемъ на этотъ бригъ, мы встрѣчены были его капитаномъ въ полномъ мундирѣ. Первымъ словомъ его было, что онъ мастеръ командеръ Р. * и имѣетъ честь быть командиромъ брика Его Величества Короля Британскаго, Брисейсъ и рекомендуетъ себя нашему расположенію. Мы въ свою очередь, объявили ему наши имена и званія, и показали на Императорскія суда, которыми имѣемъ счастье командовать. Ознакомившись такимъ образомъ, мы тотчасъ дали ему замѣтить наше удивленіе при видѣ американскаго флага на англійскомъ бригѣ. На это онъ отвѣчалъ, что ему приказано отъ адмирала, непременно сдѣлать сношеніе съ Либавой; а какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, суда ихъ съ тѣми же предписаніями приходили въ этотъ портъ и въ Виндаву, и, не взирая на бѣлые переговорные флаги, поднимаемые на ихъ форъ-брамъ-стенъгахъ и гребныхъ судахъ, каждый разъ были встрѣчаемы ядрами; то онъ и рѣшился

* Тотъ самый, который былъ въ послѣдствіи посланъ для открытій къ сѣверному полюсу.

поднять американскій флагъ, надѣясь, подъ его прикрытіемъ, выполнить порученіе адмирала. Послѣ короткаго визита нашего, мы прощаясь сказали ему, что ѣдемъ на берегъ, и онъ отвѣчалъ, что вслѣдъ за нами пріѣдетъ, какъ только переѣмнитъ мундиръ на фракъ. Мы предложили ему отобѣдать съ нами и онъ, поблагодаривъ, сказалъ, что долженъ на берегу переговорить съ однимъ лицомъ, и, если не будетъ задержанъ имъ, то съ удовольствіемъ воспользуется приглашеніемъ; но присовокунилъ, чтобъ не ожидать его послѣ назначеннаго часа; во всякомъ же случаѣ, послѣ обѣда, онъ явится непременно выпить вмѣстѣ по рюмкѣ вина. Назначивъ обѣдъ въ 3 часа, мы отвалили отъ брика.

Въ Либавскомъ каналѣ стояло до 25 судовъ; всѣ безъ исключенія были подъ флагами южныхъ балтійскихъ портовъ: прусскія, мекленбургскія и прочія; одно только судно стояло подъ датскимъ флагомъ.

При выходѣ на берегъ, первая встрѣча наша была съ прежнимъ морякомъ и хорошимъ пріателемъ начальника отряда, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ П. И. П., присланнымъ сюда по порученію Министра Финансовъ. Свиданіе это было обоюдно пріятно. Онъ просилъ насъ непременно къ себѣ обѣдать и отрекомендовать его капитану Р. По пріѣздѣ капитана, мы исполнили его желаніе и онъ тотчасъ пригласилъ его къ себѣ, на что капитанъ Р. согласился съ тѣми же условіями, какія намъ были уже извѣстны.

Всѣ вмѣстѣ пошли мы въ городъ, вдоль канала, гдѣ стояли ошвартованныя коммерческія суда. Когда мы проходили первое судно, шкиперъ съ него подошелъ къ капитану Р.; поравнявшись съ другимъ, и съ этого явился къ нему шкиперъ; къ концу же канала онъ былъ окруженъ шкиперами, что намъ показалось чрезвычайно странно. Какую могли имѣть въ немъ надобность люди, принадлежащіе по ихъ флагамъ различнымъ нѣмецкимъ портамъ? Такъ какъ капитанъ Р. часто останавливался для переговоровъ съ ними, то мы и отдѣлились отъ него,

слушая рассказы г-на П. о пріятныхъ и непріятныхъ для насъ новостяхъ. Въ числѣ послѣднихъ, было подтвержденіе, что Французы перешли нашу границу.

Время прошло не замѣтно до 4-хъ часовъ, когда мы сѣли за столъ. Въ концѣ обѣда явился г. Р. съ извиненіемъ, что, не кончивъ дѣла, никакъ не могъ оставить своего знакомаго и принужденъ былъ съ нимъ отобѣдать; теперь же предлагаетъ себя къ нашимъ услугамъ. Хозяинъ посадилъ его подлѣ себя. Послѣ обоюдныхъ привѣтствій, они стукнулись рюмками и вслѣдъ затѣмъ полилось шампанское; тосты слѣдовали одинъ за другимъ: за здоровье нашего Императора, Англійскаго Короля, за благоденствіе Россіи и Англіи, за твердый союзъ между нами;—однимъ словомъ, тостамъ почти не было конца и мы просидѣли за столомъ до 7 часовъ вечера.

Между прочими разговорами, мы замѣтили, что бригъ Брисейсъ отлично замаскированъ. Еслибъ его хорошій ходъ, длинныя рей и прекрасный поворотъ на самомъ бушпритѣ шведскаго фрегата, не привели насъ въ недоумѣніе, то легкобъ можно было принять его за купеческое судно. Капитанъ сказалъ, что такая маскировка доставила ему много призовъ; нѣкоторые сами шли прямо къ нимъ въ руки, и, не далѣе двухъ недѣль тому назадъ, судно, перевозившее французскія войска въ Кенигсбергъ, точно также явилось у борта ихъ и безъ труда было взято. Когда я спросилъ его, гдѣ онъ исказилъ такъ свой брикъ, отвѣчалъ, что бывъ отправленъ въ Балтику, зашилѣлъ въ Сѣверномъ морѣ и въ это время поставилъ: брикской гикъ въ дыру, сдѣланную для камина; вмѣсто стеньги выстрѣлилъ фоковой лисель-спиртъ; на гикъ употребилъ гротовой лисель-спиртъ; штормовой гротъ поставилъ вмѣсто бизани; гофъ-топсель сшилъ новый, у форъ-марсея сдѣлалъ четвертый, фальшивый рифъ. Бывшій съ нимъ офицеръ прибавилъ, что въ послѣдствіи, все это оказалось сдѣлано очень не дурно, и что въ Гельсинорфѣ, подъ этой маской, они взяли призъ, изъ подъ самыхъ пушекъ брантвахты.

Какимъ образомъ? былъ общій вопросъ къ англійскому

офицеру и онъ рассказалъ намъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: Обогнувъ Кронборгъ, мы легли прямо на брантвахту. Капитанъ приказалъ закрѣпить бомъ-брамсели и потомъ брамсели по одиначкѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что брантвахта приняла насъ за купеческое судно и полагала, что мы готовимся бросить якорь; тогда какъ мы высматривали только, кого избрать намъ повыгоднѣе. Участъ пала на брикъ, стоявшій въ полутора кабельтовыхъ отъ брантвахты. Шестерка наша съ людьми, готовыми къ abordажу, была заранѣе спущена за мысомъ и держалась у борта, противуположнаго брантвахтѣ. Какъ скоро мы подошли къ избранной нами жертвѣ, такъ, что были закрыты ею отъ брантвахты, шлюпка въ одно мгновеніе пристала къ борту этого судна. Выскочивъ на палубу, наши молодцы нашли только двухъ матросъ за работой; ихъ тотчасъ же, безъ шума, столкнули въ трюмъ, а сами поднялись на марсъ, отдали паруса, начали тянуть шкоты и поднимать фалы и въ тоже время отрубили канатъ. Тогда капитанъ нашъ приказалъ выпалить пушку и поднять англійскій флагъ. Съ поднятіемъ же его увидѣли, что и молодцы наши на купеческомъ суднѣ поднимаютъ англійскій флагъ. На брантвахтѣ засуетились и минутъ черезъ пять отвѣчали намъ холостымъ выстрѣломъ, чѣмъ и кончилось это дѣло. Сняться же съ якоря они не могли или считали лишнимъ.

Въ 9 часовъ вечера мы распростились съ хозяиномъ и отправились каждый на свою шлюпку. Проходя по каналу мимо судовъ, капитанъ Р. сказалъ намъ, что желаетъ чѣмъ нибудь доказать свою признательность за обязательный пріемъ, ему сдѣланный; а потому и откроетъ намъ, что въ гавани стоитъ датскій приватиръ, которымъ онъ и самъ бы воспользовался при выходѣ его въ море, еслибъ не долженъ былъ вступить немедленно подъ паруса, для соединенія съ адмираломъ. Полюбовавшись датскимъ бригомъ, весьма нѣ дурной наружности, мы поблагодарили капитана, распростились съ нимъ и съ Либавой, и каждый возвратился на свое судно.

Этимъ кончилъ нашъ Капитанъ интересный рассказъ свой, послѣ чего мы тотчасъ вступили подъ паруса и понеслись къ мѣсту нашего крейсерства.

=

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО МОРЯКА.

СТАТЬЯ II.

ШКВАЛЬ СЪ ПОДВѢТРА.

Возвратясь съ Либавскаго рейда къ нашему посту, мы проштилъли сутки въ туманѣ. На другой день, получивъ позволеніе тянуть стоячій такелажъ, на брикъ кончали уже стеньгъ-ванты во 2-мъ часу по полудни, когда горизонтъ очистился и подулъ западной вѣтерокъ. Корветъ Помона отдѣлился съ депешами отъ отряда; фрегатъ, приведя въ бейдевиндъ на правый галсъ, пошелъ въ погоню за показавшимся, прямо на его курсѣ, парусомъ; брику нашему также былъ сдѣланъ сигналъ: гнать за видимымъ судномъ. Передъ сигналомъ капитанъ нашъ приказалъ перенести бомъ-брамъ-стенъги назадъ, но съ сигналомъ велѣлъ скорѣе кончать брамъ-ванты и отдавать брамсели, а вытянувъ бомъ-брамъ-ванты, ставить и бомъ-брамсели; слѣдовательно бомъ-брамъ-стенъги наши остались по-прежнему выстрѣленными спереди.

Надобно замѣтить, что въ то время большая часть нашихъ военныхъ судовъ, не исключая и кораблей, носили цѣльныя бомъ-брамъ-стенъги, которыя выстрѣливались, какъ брамъ-стенъги, спереди; на нѣкоторыхъ же мелкихъ судахъ, въ томъ числѣ и на Меркуріѣ, бомъ-брамъ-стенъги перемѣнялись: на рейдѣ—чтобы рангоутъ казался прямѣе—поднимали ихъ спереди; а подъ парусамъ—для удобнаго спуска—онѣ выстрѣливались сзади брамъ-стенегъ. Выгода этой переноски состояла въ томъ, что можно было, не убирая брамселя, спускать и поднимать бомъ-брамъ-стенъгу; и при спускѣ, поставя ее шпоромъ на топъ стенъги, легко было оставлять ее въ такомъ положеніи при самомъ крѣпкомъ вѣтрѣ, безъ отягощенія рангоута.

Погоня наша продолжалась уже часовъ семь, при ходѣ отъ 5 до 6 узловъ, и брикъ, отдѣлившись отъ фрегата, находился въ разстояніи четырехъ выстрѣловъ отъ гонимаго судна, когда вѣтръ засвѣжѣлъ и заставилъ насъ убрать бомъ-брамсели. Бѣжавшее судно не поднимало флага, но имѣло всѣ признаки военнаго. По небольшому своему рангоуту, оно могло еще нести бомъ-брамсели. Скоро однакожъ развело волненіе, заставившее насъ спустить бомъ-брамъ-реп; на суднѣ же послали крѣпить бомъ-брамсели и спускать бомъ-брамъ-реп, а потомъ и бомъ-брамъ-стенъги на эзельгофты. Вѣтръ и волненіе усилились до такой степени, что и безъ бомъ-брамъ-стенгъ намъ трудно было нести брамсели, почему капитанъ приказалъ съ захожденіемъ солнца закрѣпить ихъ, и послать людей для спуска бомъ-брамъ-стенгъ и переноса ихъ назадъ. Едва мы начали эту работу, какъ вѣтръ смягчился и на гонимомъ суднѣ стали поднимать бомъ-брамъ-стенъги и только что выколотили шлагтовы. Хотя разстояніе между нами не много увеличилось, когда мы въ свою очередь поставили бомъ-брамсели, однакожъ судно стало скрываться въ темнотѣ, а ночь темнѣла все болѣе и болѣе.

Въ полночь капитанъ, спускаясь въ каюту, отдалъ приказаніе: нести, по силѣ вѣтра, всевозможные паруса и дать

ему знать, когда откроется гонимое судно. Я вступилъ на вахту съ перваго до пятаго и никогда не забуду этихъ четырехъ часовъ! Ночь была необыкновенно темна, убавить же парусовъ я не смѣлъ, хотя во всю вахту ходъ былъ отъ 6 до $6\frac{1}{2}$ узловъ и въ семь скляпокъ лагъ показалъ семь узловъ. Я думалъ уже закрѣпить бомъ-брамсели, но въ это время на востокъ начала занимать заря, а въ 4 часа капитанъ приказалъ себя разбудить, почему я и расчелъ не убавлять парусовъ до его выхода. Между тѣмъ впереди насъ образовалась такая грозная и черная туча, что въ половинѣ осьмой склянки я невольно scomандовалъ: На бомъ и брамъ-шкотахъ и фалахъ стоять! Марса-фалы держать на рукахъ! и какъ отъ капитана было дано приказаніе всѣмъ вахтеннымъ лейтенантамъ: въ сомнительныхъ случаяхъ немедленно отнестись къ нему, въ какое бы то время ни было,—то я и пошелъ разбудить его. Что такое? спросилъ капитанъ, лишь только я отворилъ дверь въ его каюту. Я отвѣчалъ ему скороговоркою, что кажется идетъ шквалъ съ подвѣтра, что ходу семь узловъ и несемъ всѣ паруса, но все готово къ уборкѣ ихъ. Этого было достаточно, чтобы капитанъ въ моментъ очутился на шканцахъ. Я еще былъ на трапѣ, какъ услышалъ его команду: лѣво на бортъ! (т. е. руль подѣ вѣтръ на бортъ). Бомъ и брамъ-шкоты и марса-фалы отдать—тянуть гитовы. И въ слѣдъ за тѣмъ: отдать марса-шкоты, фока и грота-шкоты и галсы! Словомъ, всѣ шкоты успѣли отвернуть съ планокъ и вездѣ тянулись гитовы. Въ это время, надъ самымъ носомъ брика, повисла страшная масса облаковъ и ежеминутно грозила обрушиться надъ нимъ всею своею тяжестью. Но къ величайшему счастью, брикъ съ неимоверною быстротою бросился къ вѣтру, дувшему еще отъ Веста, и какъ бы существо разумное, спѣшилъ поставить себя въ положеніе наивыгоднѣйшее для встрѣчи новаго и грознаго вѣтра. Моментъ замедленія—и брикъ подвергнулся бы неизбѣжной гибели; но жестокой шквалъ разразился надъ нами уже тогда, когда онъ укатился отъ прежняго своего кур-

са на четыре румба и направлѣніе шквала ударило почти въ параллель его реямъ съ подвѣтренной раковины, такъ что всѣ паруса заполоскали, кромѣ подвѣтренныхъ частей фокѣ и грота, которыя слабо легли на мачты и какъ брикъ не терялъ хода, а руль оставался на бортѣ, то, скоро заполоскали и нижніе паруса. Не смотря на то ударъ шквала былъ такъ жестокъ, что рангоутъ затрещалъ во всѣхъ своихъ составахъ и брикъ, задрожавъ отъ внезапнаго напора, легъ градусовъ на 15 крену, хотя направлѣніе вѣтра было не болѣе шести румбовъ отъ фордевинда. Когда же брикъ пришелъ на линію фордевинда, въ одинъ моментъ всѣ паруса взбросило падъ ихъ реями, гитовы вырвало изъ рукъ осаживавшихъ и шкоты высучило изъ планокъ и кнехтъ. Тогда отвели руль, реп поставили прямо и брикъ нашъ какъ стрѣла, понесся по направлѣнію вѣтра. Силу и стремительность этого шквала можно уподобить пушечному выстрѣлу. Сильнѣйшій напоръ его мгновенно опередилъ насъ и позволилъ послать людей крѣпить верхніе паруса, тянуть марса-шкоты, и фокъ и гротъ привести въ порядокъ.

Проводивъ тяжелаго гостя, капитанъ спросилъ зрительную трубу и тотчасъ же подозвалъ меня и сказалъ: посмотрите на фрегатъ, на немъ вѣрно вахтенной лейтенантъ, также какъ и вы, ожидалъ приказанія капитана объ убавкѣ парусовъ. Я взглянулъ на фрегатъ и сердце дрогнуло отъ жалости и удивленія. Въмѣсто стройной, прекрасной Амфитриты, увидѣлъ я что, то въ родѣ плавучаго, закрытаго понтона. Всѣ три стѣнги сломанныя со всѣмъ рангоутомъ, брошены были однимъ ударомъ на правую сторону фрегата; а марсели съ брамселями, совершенно покрывъ топы мачтъ, образовали собою огромную и неправильную палатку. Грустно было смотрѣть на изуродованный фрегатъ!

Поднявъ марса-фалы, мы привели на правый галсъ. Вѣтръ сдѣлался тише, а чрезъ четверть часа заштилѣло. Тщетно искали мы по горизонту судна, за которымъ гнались: оно, пользуясь темнотою, вѣроятно поворотило на другой галсъ

или спустившись отъ вѣтра, успѣло скрыться. Скоровозстановился прежній W вѣтръ и мы опять очутились на вѣтрѣ у фрегата. Капитанъ приказалъ спуститься къ нему и предложилъ офицерамъ ѣхать съ нимъ на Амфитриту. Хотя я не спалъ цѣлую ночь, но не могъ отказаться отъ его предложенія, ибо оно болѣе всѣхъ относилось ко мнѣ. Когда мы вошли на фрегатъ и я увидѣлъ обломки марсовъ, стеньгъ, реевъ и многихъ безчисленныхъ мелочей верхняго рангоута, то невольное чувство благодарности ко Всевышнему, вырвалось изъ груди моей за избавленіе насъ отъ такого бѣдствія. Сломанный рангоутъ, перерванный такелажъ, оборванные паруса, и всё это, перепутанное снастями, висѣло по вантамъ и покрывало верхнюю палубу. Казалось, что нужно болѣе сутокъ для очистки одного такелажа, а въ цѣлыя сутки, на морѣ, чего не можетъ случиться? Капитанъ нашъ замѣтилъ командиру фрегата, что бѣгучій такелажъ, слишкомъ перепутанный и затрудняющій очистку фрегата, лучше перерубать, чтобы скорѣе приступить къ его водруженію; но хладнокровный командиръ отвѣчалъ: «успѣемъ.»

Послѣ осмотра этого страшнаго разрушенія, я нетерпѣливо желалъ знать, кто былъ на вахтѣ во время шквала и какія приняты были мѣры противъ него? И сознаюсь, весьма обрадовался, узнавъ, что вахтенный лейтенантъ, былъ отличнѣйшій морской офицеръ А. А. Ш. * Онъ принадлежалъ къ числу офицеровъ, изучавшихся морскому дѣлу въ Англіи, и по общему мнѣнію моряковъ, изъ всѣхъ ихъ не имѣлъ соперниковъ въ своемъ искуствѣ болѣе двухъ, много трехъ человекъ; а это самое, можетъ быть, и утвердило въ немъ самоувѣренность и убѣжденіе въ безошибочности своихъ дѣйствій,—но на этотъ разъ онъ обманулся и ему суждено было испытать тяжелый урокъ.

Я расскажу слышанное мною отъ другихъ офицеровъ фрегата, самому же Ш. было не до разсказовъ. Онъ въ это время усердно дѣйствовалъ и ничто постороннее не могло оторвать его отъ великой обязанности, на него

* Шестаковъ. Прим. Ред.

возложенной и энергически имъ выполненной, чтобы привести фрегатъ въ порядокъ.

При вступленіи его на вахту, съ перваго до пятаго часа, ему передали, что брикъ нашъ въ сумерки убралъ брам-сели и началъ отставать отъ гонимаго судна.

Не сомнѣваясь, что фрегатъ въ состояніи его догнать, онъ думалъ, что при такихъ обстоятельствахъ одна крайность можетъ заставить его убавить парусовъ, и хотя видѣлъ грозную тучу передъ носомъ фрегата, но полагалъ, что она скорѣе разрѣшится сильнымъ дождемъ, нежели вѣтромъ, ибо свѣжій брамсельной V дулъ болѣе пятнадцати часовъ сряду. Однакожъ на фрегатѣ совершенно все было готово къ шквалу: люди разставлены были на шкотахъ и фалахъ, и еслибъ лейтенантъ Ш. не ошибся въ направленіи шквала, то можетъ быть раздѣлялся бы съ нимъ хорошо; по ожидая его прямо съ носа, и надѣясь, при семи узлахъ ходу, успѣть спуститься и принять его съ той же правой стороны, съ которой дулъ прежній вѣтеръ, онъ велѣлъ положить руль право на бортъ. Фрегатъ быстро покатился подъ вѣтеръ, но не имѣлъ времени уклониться болѣе трехъ румбовъ отъ курса; ударъ шквала такъ моментально налетѣлъ отъ румба, почти противоположнаго прежнему вѣтру, что направленіе его пало прямо перпендикулярно реямъ и всей парусности фрегата съ подвѣтра. При этомъ одинъ мигъ достаточенъ былъ для уничтоженія рангоута. Съ жестокою силою бросило фрегатъ съ лѣвой стороны на правую,—все повалилось на правой бортъ и рангоутъ съ трескомъ обрушился туда же. Командира фрегата, по словамъ его, выкинуло изъ койки и онъ съ величайшимъ трудомъ добрался до шканецъ.

И такъ руль, положенный на бортъ минутою ранѣе, успѣлъ бы уклонить фрегатъ еще румбовъ на восемь и тогда шквалъ встрѣтилъ бы его съ правой стороны, согласно предположенію лейтенанта Ш. Минутою позже, тоже самое распоряженіе предало фрегатъ на жертву роковому шквалу. Таковы бываютъ минуты на морѣ и

бываютъ не рѣдко; а потому-то отъ морскаго офицера и требуется безъ сравненія болѣе, нежели отъ всякаго другаго,—постоянной и неусыпной бдительности къ великому долгу, на него возложенному; моментальныхъ соображеній при безпрестанныхъ, внезапныхъ случаяхъ, встрѣчающихся на морѣ и вѣрно рассчитанныхъ, предупредительныхъ мѣръ для отстраненія опасныхъ и несчастныхъ случаевъ.

Мы пробыли нѣсколько часовъ на фрегатѣ; пріятно и любопытно было видѣть тогда лейтенанта Ш., чтобы исполнѣ оцѣнить его рѣдкія достоинства. Въ этомъ хаосѣ, при необъятной работѣ, требовавшей немедленнаго окончанія, онъ распоряжался какъ самый опытный и дѣятельной офицеръ. Отъ его зоркаго глаза не ускользала никакая ошибка, могущая замедлить работу; вездѣ самъ лично участвуя, онъ назначалъ занятіе всякому офицеру, уряднику и рядовому, къ успѣшному и безошибочному исправленію поврежденій. Если его нѣтъ на шканцахъ, на бакѣ или на ютѣ, то вѣрно увидишь его на одномъ изъ марсовъ, куда онъ безпрестанно лазаетъ и размѣриваетъ и пригоняетъ разныя вещи. Спустившись на палубу, расчерчиваетъ съ плотниками приготовленныя деревья для красницъ, салинговъ и другихъ частей; показываетъ какой длины каждое дерево должно вырубать, до какой толщины отесывать, гдѣ должны быть замки и па сколько дюймовъ ихъ вынимать.—Однимъ словомъ, при этой сложной и многотрудной работѣ, непрерывно замѣчаешь его то лейтенантомъ отлично свѣдущимъ, то искуснымъ тиммерманомъ, то опытнымъ ботсманомъ,—ибо въ малѣйшихъ вещахъ, какъ и въ самыхъ важныхъ распоряженіяхъ, онъ былъ главнымъ двигателемъ, все приводящимъ въ порядокъ. За то отъ юнги до капитана всѣ смотрѣли на его дѣйствія съ особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію, и отдавали полную справедливость его неутомимой и безпримѣрной дѣятельности, его многостороннимъ свѣдѣніямъ и опытности въ морскомъ дѣлѣ.

Когда мы возвращались съ фрегата на брикъ, то капи-

танъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:,, каковы послѣдствія шквала?» «Ужасны,» отвѣчалъ я. Къ этому онъ прибавилъ, что съ нашимъ рангоутомъ, мы немогли бы такъ дешево раздѣлаться со шкваломъ, еслибъ онъ засталъ насъ въ распахъ; хорошо еще, еслибъ мы заплатились только мачтамъ, а выдержалъ онъ, то окунулся бы мы такъ, что и не вынырнули бы изъ воды. Съ тѣхъ поръ всегда я нахожу удовольствіе смотрѣть на приложенный рисунокъ, начерченный тогда на скорую руку и изображающій положенія судовъ нашихъ до шквала и послѣ шквала.

А и С фрегатъ и бригъ до шквала, идутъ въ бейдевиндъ правымъ галсомъ на SSW. В положеніе фрегата на StO въ минуту шквала. D положеніе брига въ тоже время на WSW.

На другой день фрегатъ Амфитрита снова преобразовался: краспицы его для марсовъ были сдѣланы изъ обломковъ стеньгъ и изъ запасныхъ анкеръ-штоковъ; остальной рангоутъ замѣненъ запаснымъ, а также и паруса, которые не могли быть починены. И конечно такія важныя поврежденія не были бы исправлены въ столь короткое время, безъ опытнаго морскаго взгляда и совершеннаго знанія своего дѣла, которыми вполнѣ обладалъ старшій лейтенантъ фрегата А. А. III. Ровно черезъ 24 часа послѣ шквала, мы съ развѣтомъ увидѣли, что марсы на фрегатѣ за ново были совершенно готовы и всѣ стеньги, не только поставлены по мачтамъ, но на гротовую и кросельную накладывали такелажъ, и форъ-стенъга шла уже на шлагтовъ; а черезъ 32 часа, послѣ разрушенія, т. е. въ полдень, окончательно поднимали на немъ брамъ и бомъ-брамъ-реп, и фрегатъ былъ готовъ поставить всѣ свои паруса.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО МОРЯКА.

СТАТЬЯ III.

УДАЧНО ВЫПОЛНЕННОЕ ПРЕДПИСАНІЕ ЧЕРЕЗЪ НЕУДАЧНОЕ УПРАВЛЕНІЕ СУДНОМЪ.

Съ самаго ранняго утра, горизонтъ нашъ былъ не обширенъ, а въ 10 часовъ фрегатъ совершенно скрылся въ туманѣ, хотя находился отъ насъ не болѣе двухъ кабельтовыхъ.—Въ 5 часовъ по полудни, туманъ очистился и мы усмотрѣли, въ двухъ миляхъ у себя подъ вѣтромъ, военный тендеръ, подъ парусами, не соотвѣтствовавшими бомбарсельному вѣтру, въ то время дувшему. Вскорѣ тендеръ этотъ поднялъ свои вымпела и сигналъ:» имѣю поврежденіе, и въ морѣ не могу онаго исправить».—Фрегатъ отвѣчалъ ему, и вслѣдъ за тѣмъ тендеръ поднялъ другой сигналъ, что имѣетъ у себя важную особу. Суда наши спустились къ нему, и по приближеніи, съ фрегата сигналомъ потребовали командировъ съ тендера и съ нашего брика. По прибытіи ихъ, отрядный начальникъ спросилъ командира тендера: какое у него поврежденіе? онъ отвѣчалъ, что отъ шквала треснулъ бушпритъ и онъ боится потерять его при первомъ волненіи, почему и просить позволенія идти въ портъ для перемѣны бушприта, а находящагося у него пассажира передать на другое судно.

На вопросъ же начальника отряда, кого онъ имѣетъ пассажиромъ и какое дано ему предписаніе, отвѣчалъ, что везетъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, чтобы высадить его въ одинъ изъ нѣмецкихъ портовъ, занятый Французами; и притомъ замѣчено въ повелѣніи, что какъ не требуется большой поспѣшности въ его высадкѣ, то и рекомендуется бдительно наблюдать за сохраненіемъ рангоута ввѣреннаго ему судна. Къ этому командиръ тендера присовокупилъ еще, что съ самаго выхода изъ порта онъ старался нести какъ возможно менѣе парусовъ, но съ такимъ рангоутомъ, какой имѣетъ его тендеръ, ни какимъ образомъ немогъ избѣгнуть поврежденія. Не говоря о послѣднемъ шквалѣ, который неожиданно набѣжалъ ночью и сдѣлалъ трещину въ бушпритѣ, у него въ первый разъ лопнулъ онъ еще въ 40 миляхъ отъ порта при марсельномъ вѣтрѣ, а въ другой разъ сломался при взятіи у него рифа и послѣ cadaго поврежденія тендеръ долженъ былъ возвращаться въ портъ.—Отрядный начальникъ, понявъ и причины его неудачъ, и довольно успѣшное выполненіе данныхъ ему предписаній, отпустилъ его на тендеръ, сказавъ, что сдѣлаетъ распоряженіе на счетъ его. Вслѣдъ за симъ, чрезъ телеграфъ велѣно ему идти въ Рижскій портъ, для починки поврежденій, а по исправленіи исполнить данное ему порученіе. Въ Ригу онъ дошелъ благополучно; но къ исполненію повелѣнія уже не приступалъ, потому что французскій повѣренный въ дѣлахъ, кажется, упросилъ начальство въ Ригѣ избавить его отъ безконечнаго морскаго путешествія и его согласились отпустить берегомъ.

Вспоминая объ этомъ случаѣ, невольно останавливаемся для разсмотрѣнія причинъ постоянныхъ неудачъ этого тендера. Командиръ его былъ въ свое время усердный офицеръ и довольно служилъ на морѣ; но къ несчастію никогда не служилъ на подобныхъ судахъ и конечно изъ ложнаго стыда не хотѣлъ спросить совѣта у офицеровъ опытныхъ и знакомыхъ съ тендерами, объ управленіи ими и обо всѣхъ особенностяхъ, принадлежащихъ собственно

судамъ этого рода; а можетъ быть и по другой причинѣ, столь же непростительной, основанной на томъ, что онъ нѣсколько лѣтъ хорошо командовалъ вахтою, и потому не сомнѣвался, что управится съ тендеромъ. Эти самыя причины и были источникомъ его непрерывныхъ ошибокъ. Измѣряя силу вѣтра по большому судну, онъ упускалъ надлежащее время для взятія рифовъ у бушприта и оставляя его на произволъ волненія—ломалъ его; или не своевременно принимаясь за эту работу, гдѣ нужно имѣть кромѣ знанія дѣла и особенную сноровку, онъ, не обладая ни тѣмъ ни другимъ, подвергалъ бушпритъ постоянной опасности и неминуемымъ отъ того поврежденіямъ. Хорошо еще, что трехкратная потеря бушприта не подвергла его важнѣйшимъ бѣдствіямъ, и даже способствовала, нѣкоторымъ образомъ, къ выполнению даннаго ему предписанія; но при такой важной потерѣ на тендерѣ, при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ на берегъ, онъ не могъ бы избѣгнуть крушенія.

Все это можетъ, кажется, служить достаточнымъ убѣжденіемъ командирамъ и офицерамъ, назначаемымъ на суда новаго рода, въ необходимости знакомиться съ ними чрезъ опытныхъ моряковъ; изучать не только управленіе ими, но и свойства ихъ, достоинства и недостатки во всѣхъ случаяхъ. И только при такомъ изученіи своего корабля, чувства морскаго офицера сродняются съ судномъ, на которомъ онъ служить, внушаютъ ему непритворную любовь къ нему и заставляютъ дорожить его славою, какъ своею собственною; тогда только онъ становится дѣйствительнымъ и полезнымъ членомъ благороднаго сословія моряковъ; и служба выигрываетъ и флагъ можетъ развѣваться гордо на всѣхъ моряхъ, подъ защитою такихъ офицеровъ.

Вышеописанныя упущенія ведутъ прямо къ гибели судна и служащихъ на немъ; но сколько есть дѣйствій, которыя хотя и не влекутъ къ такой крайности, однакожъ кладутъ непріятную тѣнь на судно. Напримѣръ: невыправленные стеньги и реи, недотянутые фалы и шкоты,

концы, висящіе съ марсу или за бортомъ, флагъ неподнятый до мѣста, и тому подобное,—показываютъ явную безпечность вахтенныхъ офицеровъ. Къ тому же можно приписать еще менѣе простительныя дѣйствія и болѣе относящіяся къ командиру, когда судно лавируя выходитъ часто изъ вѣтра, или имѣетъ паруса, поставленные не по вѣтру. Мнѣ случалось даже видѣть, что тендера въ свѣжіи вѣтеръ, при двухъ или трехъ рифахъ у грота, поворачивая чрезъ фордевиндъ, вмѣсто того, чтобы отдать дирикъ—фалъ и подтянуть какъ можно болѣе анапуть,—оставляютъ ихъ на своихъ мѣстахъ, а стягаютъ гроташкотъ до тѣхъ поръ, пока гикъ не придетъ вдоль судна, и тогда кладутъ руль на бортъ на вѣтръ. Въ такомъ положеніи гротъ, конечно, мѣшается катиться подъ вѣтеръ, и тендеръ, при поворотѣ, или совсѣмъ не слушаетъ руля, или описываетъ огромнѣйшій кругъ. Я видалъ даже и брики, у которыхъ шкотъ косаго грота закрѣпленъ наглухо на гикѣ, и которые поворачивали чрезъ фордевиндъ, безъ отдачи дирикъ-фала.

Въ узкомъ мѣстѣ судно можетъ отъ этого набѣжать на мель или на камень. Но гибель уже въ сторону, а одно такое дѣйствіе даетъ невыгодное понятіе о командирѣ и офицерахъ этого судна. Отъ чего же происходятъ безпорядки такого рода? Отъ незнанія или отъ безпечности?

Можетъ быть частію отъ того и отъ другаго; но главный источникъ всѣхъ несправностей и несчастій есть хладнокровіе къ морскому дѣлу, равнодушіе къ своему кораблю. Съ такими чувствами офицеръ на кораблѣ есть лишняя и бесполезная принадлежность, а корабль съ такими офицерами смѣшонъ и жалокъ на морѣ. Напротивъ, командиръ, любящій свое судно, дорожитъ славою своей команды и своею честію столько же, сколько честію своего флага; тотъ и въ гавани, и на рейдѣ, и въ морѣ, всѣми своими дѣйствіями, каждымъ распоряженіемъ, работой, маневромъ доставляетъ удовольствіе своимъ сослуживцамъ. Имъ любуются, за нимъ слѣдятъ, о немъ говорятъ, ему подражаютъ; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ же

командиръ, и въ военное время, въ состояніи лучше всякаго другаго нанести великой вредъ кораблю непріятельскому, который бы вышелъ помѣрять съ нимъ свои силы.

=

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО МОРЯКА.

СТАТЬЯ IV.

ВЫДУМКА АНГЛИЙСКИХЪ ШКИПЕРОВЪ КЪ УНИЧТОЖЕНІЮ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ИЗОБРЕТЕННОЙ НАПОЛЕОНОМЪ.

Вскорѣ послѣ исправленія поврежденій фрегата Амфитрита, корветъ Помона возвратился изъ Либавы съ депешами, извѣщавшими начальника отряда о разрывѣ Россіи съ Франціею, а вмѣстѣ съ тѣмъ, получено и слѣдующее повелѣніе: береговому начальству въ Либавѣ, всѣ находившіяся въ томъ портѣ коммерческія суда, нагрузить казенными матеріалами, а равно, если кто пожелаетъ изъ частныхъ людей, то брать и ихъ собственность; а начальнику отряда назначить одно или два изъ нашихъ военныхъ судовъ для конвоя сихъ купеческихъ судовъ въ Ригу. Покуда въ портѣ производилась погрузка и изготовленіе этихъ судовъ, крейсерство наше продолжалось по прежнему, съ тою только разницею, что въ это время, отношенія наши сдѣлались противоположны къ коммерческимъ судамъ, выходившимъ изъ нѣмецкихъ портовъ, занятыхъ Французами, и какъ я прежде замѣчалъ, что не проходило дня безъ погони, то и не замед-

лилось показаться на горизонтѣ судно, которое, сигналомъ, велѣно осмотрѣть брику Меркурію. Черезъ шесть часовъ шлюпка наша была уже у его борта. Какъ судно это было подъ прусскимъ флагомъ, и по бумагамъ показано, что построено и вышло изъ портовъ, запятыхъ Французами, то офицеръ, посланный для осмотра судна, привезъ съ него шкипера со всеѣми его бумагами на брикъ. Шкиперъ, кромѣ англійскаго языка, не зналъ никакого. Капитанъ нашъ, взглянувъ на бумаги, сказалъ ему: «по документамъ твоимъ, ты долженъ быть нашимъ призомъ, потому что въ настоящее время Французы уже не союзники Россіи, а такіе жъ непріатели намъ, какъ и Англичанамъ; а какъ ты кромѣ англійскаго языка никакого не знаешь и долженъ быть Англичанинъ, а потому тебѣ остается доказать документами, что и судно твое принадлежитъ Англіи; тогда тебя немедленно отпустятъ». Но онъ не довѣрялъ этому, вѣроятно полагая, что хотятъ воспользоваться его признаемъ, чтобъ послѣ имѣть право объявить судно его законнымъ призомъ и отвѣчалъ, что онъ не Англичанинъ а Америкапецъ и командуетъ судномъ уже два года, и если желаемъ удостовѣриться въ этомъ, то отвелибъ его въ Ригу, куда онъ адресованъ и гдѣ можно вѣрно узнать, какъ о суднѣ, такъ и собственнo о немъ. На это ему замѣтили, что какъ онъ призъ, то его отправятъ не въ Ригу, а въ Свеаборгъ. Это его очень разстроило, но онъ скоро оправился и смѣло сказалъ, что если мы отправимъ его въ Свеаборгъ, то будемъ отвѣчать за все убытки, какіе онъ попесетъ отъ напрасной потери времени. Послѣ этого ему велѣно было ѣхать на свое судно, и держаться за брикомъ; по приводѣ жъ судна къ фрегату, шкиперъ былъ отправленъ съ бумагами къ начальнику отряда, коему шкиперъ судна объявилъ свою претензію на капитана брика, что онъ его задержалъ, повторивъ просьбу свою отослать его въ Ригу. Когда же услышалъ рѣшительное объявленіе отъ начальника отряда, что по бумагамъ его опъ нашъ призъ, и будетъ отправленъ въ Свеаборгъ, тогда сказалъ: ну

если такъ, то не хочу оставаться подъ чужимъ флагомъ, берите меня въ призъ подъ собственнымъ моимъ флагомъ; я Англичанинъ, и судно мое англійское; и вмѣстѣ съ тѣмъ вынулъ изъ кармана другія бумаги и подалъ отрядному начальнику. По разсмотрѣніи ихъ найдено, что судно дѣйствительно англійское, и что люди на немъ всѣ Англичане; по бумагамъ видно даже, подъ чьимъ оно конвоемъ пришло въ Балтику; для большаго жъ удостовѣренія представилъ онъ листокъ сигналовъ, данныхъ ему англійскимъ конвоиромъ. Послѣ сего сознанія и исполнѣ удовлетворительныхъ документовъ, начальникъ отряда разсудилъ отпустить его съ миромъ, тѣмъ болѣе, что грузъ его адресованъ въ Ригу, куда судно и имѣло курсъ свой передъ нашей погоней.

Это открытіе двойныхъ бумагъ достаточно объяснило намъ причину: отчего являлись въ Либавѣ англійскому капитану судовые шкипера разныхъ нѣмецкихъ портовъ, и почему во все наше крейсерство, суда подъ флагами союзныхъ намъ націй, старались убѣгать отъ насъ; онѣ избирали это первымъ средствомъ, чтобъ избавиться нашего осмотра; когдажъ ихъ догоняли, то ужъ прибѣгали къ послѣднему средству: представляя нашимъ крейсерамъ, и вѣроятно всѣмъ тѣмъ, коихъ націи были въ разрывѣ съ Англіею, не настоящія свои бумаги, а другія, съ тою же полнотою и формальностію заранѣе приготовленныя. Трудно рѣшить, гдѣ ихъ составляли: въ тѣхъ ли союзныхъ намъ портахъ, кои означались въ ихъ бумагахъ, или самими ими были поддѣльваемы? Но во всякомъ случаѣ, суда, съ подобными документами, смѣло плавали и являлись во всѣхъ портахъ Европы, не исключая и самой Франціи; и ежели вездѣ, куда имъ возбраненъ былъ входъ, по разрыву съ Англіею, являлось въ половину менѣе противъ того, какъ это случалось въ мирное время, то продавая вдвое дороже грузы свои, они нисколько не теряли своихъ интересовъ. Слѣдовательно, континентальная система, изобрѣтенная Наполеономъ, существовала только въ его воображеніи.

Спустя нѣсколько дней, коммерческія суда въ Либавѣ почти всѣ были нагружены, и начальникъ отряда, заблаговременно раздавъ на нихъ сигналы, ожидалъ ежечасно выхода ихъ изъ порта, держась отъ него миляхъ въ двухъ, къ чему способствовалъ ровной береговой вѣтеръ.

=

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТАРАГО МОРЯКА. *

СТАТЬЯ V

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДАТСКАГО ПРИВАТЕРА ВЪ НАШЪ ТРАНСПОРТЪ И
ВСТРѢЧА СЪ АНГЛІЙСКИМЪ ВОЕННЫМЪ БРИКОМЪ РЕНДЖЕРЪ.

Въ одно прекрасное утро, съ восхожденіемъ солнца, при брамсельномъ вѣтрѣ отъ SO, начали выходить изъ Либавской гавани коммерческія суда, долженствовавшія поступить въ нашъ конвой. Каждое изъ нихъ, приближаясь къ фрегату Амфитрита, ложилось въ дрейфъ. Конвой состоялъ изъ 23 судовъ, въ числѣ коихъ было и Датское, нагруженное артиллерійскими снарядами, которое англійскій капитанъ Р. называлъ приватиромъ. Въ 9 часовъ утра, съ выходомъ послѣдняго судна, отъ начальника отряда сдѣланъ былъ первый сигналъ всему конвою: «слѣдовать за Адмираломъ,» а корвету Помона приказано остаться на высотѣ Либавы. Фрегатъ, поставивъ всѣ паруса, началъ обгонять конвой; брику Меркурій сигналомъ велѣно быть позади конвоя.

До 11 часовъ брикъ непрерывно приводилъ то на одинъ, то на другой галсъ, понуждая заднія суда нести всѣ возможные паруса, или спускался къ удалившимся въ сторону судамъ, заставляя ихъ держаться соединенно, и, такимъ образомъ, сомкнутый конвой, до 2-хъ часовъ по полудни, шелъ

* Смотри Томъ I стр. 298. 345. 437 и 491.

въ совершенномъ порядкѣ. Въ 3-мъ часу набѣжалъ шквалъ отъ S и суда наши распушились лиселями съ обѣихъ сторонъ, однакожъ не надолго. Вѣтръ началъ измѣняться, а въ 4 часа, съ нашедшимъ шкваломъ отъ SW, установился на этомъ румбѣ. Въ 6 часовъ онъ довольно засвѣжѣлъ; на купеческихъ судахъ непрерывно трещали и ломались лисель-спирты, но они уже безъ всякаго понужденія несли всѣ паруса, желая засвѣтло миновать узкости между Домеспесомъ и берегомъ Эзеля, къ которымъ мы приближались. Фрегатъ бѣжалъ впередъ конвоя подъ марселями въ два рифа; брикъ нашъ шелъ позади, съ отданными марса-фалами при двухъ рифахъ у марселей; Датское же судно держалось подлѣ фрегата съ марселями, подтянутыми на слабъ-горденяхъ, и вѣроятно уходило отъ него въ этомъ положеніи, ибо мы видѣли по временамъ, что оно приводило къ вѣтру.

За полчаса до захожденія солнца открылся мысъ Люзерордъ. Фрегатъ привелъ въ бейдевиндъ на лѣвый галсъ, началъ брать третій рифъ и сдѣлалъ сигналъ старшему по немъ, принять начальство надъ конвоемъ. По отвѣтѣ нашемъ, онъ посадилъ фокъ и гротъ и отдѣлился отъ насъ. Какъ передовыя суда конвоя ушли далеко отъ заднихъ, то мы сигналомъ велѣли послѣднимъ нести всѣ возможные паруса и сами подняли марса-фалы. Крѣпкій вѣтръ съ пасмурностію продолжался до 2-хъ часовъ за полночь; мы палили каждую склянку для показанія своего мѣста, но не могли видѣть ни одного судна. Къ разсвѣту вѣтръ сталъ смягчаться и съ восходомъ солнца дулъ уже умѣренно; конвой открылся, большею частію, позади насъ; впередъ было только датское и еще судна три, которымъ приказавъ приблизиться, мы легли въ дрейфъ, и, по соединеніи всего конвоя, взяли курсъ прямо на Рижскій рейдъ.

Въ полдень показался Англійскій военный брикъ, который, подойдя къ Меркурію, увѣдомилъ, что имѣетъ къ намъ депеши. Немедленно отправленъ былъ къ нему офицеръ нашъ за бумагами, по рассмотрѣніи коихъ капитанъ

тапъ самъ поѣхалъ на Англійскій брикъ, приказавъ конвою держаться въ дрейфѣ. Такъ какъ брики легли въ дрейфъ на разные галсы, то мы поворотивъ чрезъ Фордевиндъ, привели подъ вѣтромъ Англійскаго брика и легли въ дрейфъ на одномъ съ нимъ галсѣ. Вскорѣ возвратилась наша шлюпка съ приказаніемъ отъ капитана, чтобы Датское судно немедленно приблизилось къ брику. Лишь только шлюпка наша возвратилась къ Англійскому брику, мы увидѣли, что онъ наполняетъ гротъ-марсель и въ ту же минуту ставитъ всѣ паруса до послѣдняго лиселя. Мы тоже снялись съ дрейфа, посадили фокъ и гротъ и послали на брамселю; но какъ вѣтръ былъ свѣжій брамсельный, то и съ гротомъ брикъ нашъ оставался совершенно въ одномъ положеніи съ Англійскимъ, почему и вѣрно было сойтись съ салюговъ. Намъ казались весьма странными дѣйствія Англійскаго капитана и было жаль шлюпки съ людьми, державшейся при большомъ ходѣ у его борта. Вскорѣ показался на верху нашъ капитанъ. Посмотрѣвъ на свой брикъ и шлюпку, онъ скрылся; но вслѣдъ за сямъ на Англійскомъ брикѣ къ нашему удовольствію всѣ лиселя спустились на низъ, фокъ и гротъ взяты на гитовы и гротъ-марсель положенъ на стевьгу.

Капитанъ нашъ тотчасъ возвратился на брикъ и приказалъ потребовать шкипера съ Датскаго судна, а Англійскій брикъ, поставивъ всѣ паруса, пошелъ къ выходу изъ Рижскаго залива. Всѣ это чрезвычайно интересовало насъ и любопытство наше было чрезмѣрно, но къ сожалѣнію мы ничего не могли узнать въ это время. Уже гораздо послѣ нашей кампаніи открылись мнѣ всѣ подробности спосеній капитана нашего съ Англійскимъ, которыя я помѣщаю для поясненія здѣсь описанныхъ дѣйствій.

Депеши, полученныя нашимъ капитаномъ, были отъ Рижскаго генералъ-губернатора, которыми предписывалось первому встрѣтившемуся Русскому крейсеру снять съ Англійскаго брика фельдъегера, доставить его немедленно въ Стокгольмъ и, по окончаніи возложеннаго на него порученія, привезти обратно въ Ригу. Капитанъ нашъ очень

желалъ исполнить предписаніе, но затруднялся оставить на произволъ ввѣренный ему конвой съ подозрительнымъ Датскимъ судномъ, а потому и рѣшился ѣхать самъ на Англійскій брикъ, чтобы предложить его командиру довести конвой до Рижскаго порта, находившагося отъ насъ въ 15 миляхъ. Но Англійскій капитанъ отказался вести конвой, увѣряя, что ему должно немедленно соединиться съ своимъ адмираломъ. Тогда капитанъ нашъ рѣшилъ, чтобы одного изъ своихъ офицеровъ и нѣсколько чело-вѣкъ команды посадить на Датскій брикъ и отправить съ конвоемъ въ Ригу, о чемъ и объявилъ Англійскому капитану.

Въ слѣдствіе этого рѣшенія, капитанъ прислалъ къ намъ шлюпку съ приказаніемъ Датскому судну «приблизиться»; самъ же спустился въ каюту, чтобы написать донесеніе генералъ-губернатору, о сдѣланномъ имъ распоряженіи. Но едва онъ успѣлъ начать это, какъ услышалъ вызовъ людей на верхъ и скоро почувствовалъ, что брикъ на-кренился. Онъ вышелъ на шканцы и къ величайшему удивленію увидѣлъ брикъ, несущійся подъ всѣми парусами. «Что это значитъ?» спросилъ онъ Англійскаго капитана. Тотъ отвѣчалъ: что не можетъ медлить ни минуты; что брикъ нашъ ходитъ хорошо и можетъ пересадить офицера и людей на Датское судно и догнать его. Капитанъ нашъ взглянулъ на Меркурій, и хотя торжествовалъ отъ удовольствія, видя такое значительное превосходство своего судна предъ Англійскимъ, однакожъ не согласился на предложеніе Англійскаго командира и рѣшительно объявилъ, что не можетъ бросить конвоя, не сдѣлавъ основательныхъ и точныхъ распоряженій, прибавивъ къ тому, что какъ брикъ нашъ дѣйствительно ходитъ гораздо лучше его судна, то если вѣтръ не переменится, онъ будетъ въ Ригѣ чрезъ четыре часа, и передавъ брантвахтѣ конвой, можетъ догнать его. Еслиже, по какимъ-либо непредвидимымъ обстоятельствамъ, это не выполнится, тогда онъ непременно найдѣтъ на высотѣ Либавы нашъ фрегатъ и корветъ, и на нихъ передастъ фельдъегера. Послѣ

этого объясненія, капитаны раскланялись и разстались не совсѣмъ довольные другъ другомъ. Вскорѣ явился къ намъ командиръ съ Датскаго брика: онъ былъ молодъ, хорошъ собою и Датскій крестъ въ петлицѣ дѣлалъ его еще интереснѣе.

Капитанъ нашъ, послѣ обычнаго привѣтствія, просилъ его вмѣстѣ съ нимъ отобѣдать, на что тотъ охотно согласился; а какъ онъ былъ приглашенъ для того, чтобы идти съ нами въ Ригу подъ всѣми парусами, ибо въ приходѣ другихъ шкиперовъ безъ конвоира капитанъ не сомнѣвался, то и сдѣланъ былъ сигналъ Датскому судну подойти для переговоровъ, а командиръ его приказалъ своему штурману не отставать отъ Меркурія. Вслѣдъ за тѣмъ у насъ въ моментъ были поставлены всѣ паруса, даже до бомъ-трюм-селей и бомъ-брамъ-лиселей; конвою сдѣланъ сигналъ нести всѣ паруса и показанъ румбъ въ Рижскій портъ.

Датскій брикъ, поднимая медленно паруса, началъ постепенно отставать и наконецъ дошелъ до бомъ-брам-селей. Мы ожидали, что заставимъ его поставить всѣ лиселя. Любопытно было смотрѣть въ это время на командира Датскаго брика, слѣдившаго за прибавкою каждаго паруса на своемъ суднѣ и за его ходомъ. Ни одного еще лиселя на немъ не было поднято, а брикъ, какъ будто бы къ намъ приближался, и къ общей дбсадѣ нашей, скоро подобрался къ самому гака-борту на четверть кабельтова и убралъ бомъ-брамсели. Съ этими парусами оставался онъ во все время въ одномъ и томъ же отъ насъ разстояніи, какъ бы на бакштовѣ. Датскій капитанъ видимо торжествовалъ: то закинувъ голову назадъ, смотрѣлъ онъ на наши трюмсели и лиселя, то, обращаясь къ своему судну, любовался его ходомъ, и тѣмъ, что оно не отставало отъ насъ ни на одинъ футъ. Наконецъ онъ не выдержалъ, и относясь къ командиру нашему, сказалъ, что Меркурій очень хорошо ходитъ. Капитанъ отвѣчалъ ему холодно, что принимаетъ комплиментъ его въ противномъ смыслѣ. «Еслибъ это не была истина, сказалъ Датчанинъ, то я ни какъ не позволилъ бы себѣ сдѣлать такое невѣжес-

тво; увѣряю васъ моею честью, что я гонялся съ пзвѣстными ходоками англійскаго флота и подъ такими парусами не шелъ бы у нихъ на бакштовѣ, а былъ бы въ состояніи привести ихъ въ свой кильватеръ.»

Въ это время сказали, что готовъ обѣдъ и всѣ спустились въ каюту

Начатый разговоръ продолжался и за столомъ. Капитанъ нашъ замѣтилъ гостю свое удивленіе, что при военныхъ обстоятельствахъ Даніи съ Англіею, онъ не употребить такое превосходное судно приватиромъ, что конечно доставило бы ему болѣе выгодъ, нежели перевозка груза. На это онъ отвѣчалъ со всею откровенностію моряка: «Два года судно мое было приватиромъ; въ это время я взялъ пять призовъ, сдѣлалъ себѣ независимое состояніе и удостоился получить отъ своего правительства орденъ.»

«Конечно, это было пріятнѣйшее время моей жизни. Еслибъ тогда кто-нибудь сказалъ мнѣ, что я буду возить грузъ на славномъ моемъ брикѣ, я разсердился бы не на шутку; — но два года опыта великое дѣло. Къ тому-жъ можетъ быть и обезпеченное мое положеніе заставило меня смотрѣть на вещи другими глазами и избрать вмѣсто воинственнаго, — мирное, коммерческое занятіе.»

«Нынѣшнею весною я сдѣлалъ первый рейсъ въ Либаву съ собственнымъ грузомъ, и на возвратномъ пути въ Копенгагенъ располагалъ нагрузиться хлѣбомъ, но какъ видите, совсѣмъ не ожиданно сдѣлался русскимъ транспортомъ.»

Мы съ большимъ любопытствомъ желали знать, гдѣ онъ досталъ такого замѣчательнаго ходока и какъ началъ первое крейсерство на приватирѣ, и онъ съ тою-же любезностію и охотою удовлетворилъ нашему желанію. — «Я служилъ лейтенантомъ въ Датскомъ флотѣ, началъ онъ, и какъ, по разрывѣ съ Англіею, многіе флотскіе офицеры должны были оставаться праздными, то у меня и родилась мысль служить на приватирѣ. Хотя я имѣлъ маленькій капиталъ, однакожъ его далеко не доставало на покупку судна для этого предмета. Дѣятельно сталъ

я искать участниковъ на мое предпріятіе и былъ столько счастливъ, что вскорѣ нашелъ двоихъ. Мы прочитали въ газетахъ объявленіе о продажѣ брика, построеннаго въ Америкѣ; и какъ онъ находился въ одномъ изъ портовъ большаго Бельта, то мы безъ замедленія туда отправились, нашли судно, соответствующее нашему намѣренію и купили его. Хозяинъ его объявилъ, что прошедшею осенью въ крѣпкіи вѣтръ оно стало на мель не далеко отъ нѣхъ порта и при всемъ стараніи шкипера не могло быть спасено и налилосъ водой.—Свезя товары на берегъ, шкиперъ продалъ его, и прощаясь съ своимъ судномъ, увѣрялъ, что оно очень хорошо ходитъ. Последнему мы не вполнѣ довѣряли, ибо какой продавецъ не похвалитъ своего товара? и скажу еще болѣе: найдется ли капитанъ, непристрастный къ своему судну?

«Со всѣмъ усердіемъ принялись мы общими силами за его исправленіе и когда подводная часть была совсѣмъ отдѣлана, то занялись другимъ: вооружили его 14 коронадами 24 фунтоваго калибра и заготовили припасы, чтобы съ раннею весною выслать его въ море. Съ исправленіемъ и вооруженіемъ, судно обошлось намъ около семидесяти пяти тысячъ талеровъ; эта сумма, также какъ и будущія издержки, раздѣлялись поровну на каждаго изъ трехъ участниковъ.

«Въ число непремѣнныхъ условій, положено было мнѣ командовать судномъ, съ незначительнымъ жалованьемъ. Въ половинѣ апрѣля, брикъ былъ совершенно готовъ къ выходу въ море; но за двѣ недѣли до того, началъ являться на видъ нашего порта Англійскій фрегатъ, а иногда становился и на якорь, только что не на пушечный выстрѣлъ отъ порта. Я не одинъ разъ выѣзжалъ на яликѣ, чтобы ознакомиться съ нимъ, и по нѣскольку часовъ наблюдалъ за его дѣйствіями. Онъ былъ замѣчательно красивой наружности, держался въ отличномъ порядкѣ, и, слухи носились, былъ славный ходокъ. Последнее особенно мнѣ не нравилось. Двѣ недѣли я не могъ выбрать благопріятной минуты къ выходу; наконецъ, въ исходѣ апрѣля, фрегатъ

скрылся изъ виду; я снялся съ якоря со свѣтомъ, при туманной погодѣ и брамсельномъ вѣтрѣ.

«Расположившись идти къ самому выходу изъ Бельта въ Каттегатъ, и тамъ крейсера, выжидать добычи, я спустился въ бакштагъ подъ всѣми парусами, и при довольно густомъ туманѣ, бѣжалъ по 11 узловъ. Часу во 2-мъ пополудни, мы прошли уже около 40 миль, когда закричали съ баку: судно передъ носомъ! я бросился на бакъ и увидѣлъ близко фрегатъ, лежавшій подъ марселями въ дрейфѣ на правомъ галсѣ. Медлить было нѣкогда; мы были прямо подъ его батареей, въ разстояніи около двухъ пушечныхъ выстрѣловъ. Спустивъ лиселя, я тотчасъ привелъ въ бейдевиндъ на лѣвый галсѣ. Фрегатъ не замѣшкая пустить къ намъ ядро, вмѣсто привѣтствія,—но оно не долетѣло до насъ. Поставивъ всевозможные паруса, онъ поворотилъ съ нами на одинъ галсѣ, и я успѣлъ разсмотрѣть, что это былъ тотъ самый фрегатъ, который подходилъ на видъ нашего порта. Три часа мы лежали оба на лѣвомъ галсѣ, и хотя я увеличилъ отъ него разстояніе, но мнѣ казалось, что онъ приближается къ моему кильватеру, и когда ляжетъ полнѣе, то первое мое крейсерство будетъ и послѣднимъ. Однакожъ дѣлать было нечего: я рѣшился поворотить; фрегатъ оставался на томъ же галсѣ. Проходя его контръ-галсомъ, я наконецъ успокоился и убѣдился въ преимуществѣ хода моего судна, ибо разстояніе отъ него увеличилось болѣе, нежели въ два раза. Онъ продолжалъ гнаться за мной до самихъ сумерекъ, поворачивая съ одного галса на другой; я также сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ и отдалился отъ него на значительное пространство. Такое превосходство въ ходѣ моего судна придадо мнѣ столько смѣлости, что когда фрегатъ совершенно скрылся за темнотою, я рѣшился спуститься, проскользнуть мимо его и идти согласно съ моимъ предположеніемъ. Это мнѣ удалось; счастливо избѣжалъ я встрѣчи съ нимъ, и послѣ того постоянно крейсеровалъ на избранномъ мною мѣстѣ, выбѣгая изрѣдка въ Каттегатъ.

«Много судовъ попадалось мнѣ на пути, но всѣ подъ прикрытіемъ конвоировъ, которые въ началѣ веспы, въ больномъ числѣ, высланы были изъ Англіи. Свѣтлыя ночи также не благопріятствовали первымъ моимъ попыткамъ. Погони за мною производились столько разъ, что перечестъ ихъ я не въ состояніи; скажу только, что я избавлялся отъ нихъ очень легко, и выгода перваго крейсера заключалась единственно въ томъ, что я познакомился съ отличными качествами моего судна, и могъ дѣйствовать рѣшительнѣе въ будущее время. Настоящее же было не утѣшительно: издержавъ провизію, я долженъ былъ явиться къ товарищамъ съ пустыми руками, но пособить было ничемъ. Въ условіи же нашемъ сказано, чтобы по издержаніи провизіи, придти съ брикомъ въ тотъ портъ, изъ котораго я вышелъ; если же обстоятельства не позволятъ, то немедленно увѣдомить, гдѣ я буду стоять. Вѣтръ дулъ попутный въ назначенный портъ и я спустился къ нему; чѣмъ ближе подходилъ я къ берегу, тѣмъ вѣтръ становился свѣжѣе, при дурной и мокрой погодѣ, что и давало мнѣ надежду избѣжать опасной встрѣчи съ фрегатомъ «Тартаръ», который, по словамъ встрѣтившагося со мною приватира, крейсеровалъ на прежнемъ посту. Съ разсвѣтомъ, находясь мильхъ въ тридцати отъ якорнаго мѣста, и идя въ бакштагъ около 12-ти узловъ, подъ двумя рифамп у марселей, я вдругъ увидѣлъ судно на правой раковинѣ. Фрегатъ лежалъ въ бейдевиндѣ на вѣтрѣ, и лишь только завидѣлъ мой брнкъ, началъ приспускаться къ нашему курсу. Теперь разстояніе до него было вдвое болѣе того, въ какомъ мы находились съ нимъ при первой встрѣчѣ; я не сомнѣвался, что это былъ тотъ же Тартаръ. Тогда я ушелъ отъ него въ бейдевиндъ, теперь же онъ находился у меня на вѣтрѣ и по необходимости я долженъ былъ продолжать идти въ бакштагъ, а потому и безпокоился, не будетъ ли онъ имѣть преимущества при полномъ вѣтрѣ, и особенно при волненіи, которое было гораздо чувствительнѣе для моего судна. Вѣтръ дулъ очень крѣпкій, но мнѣ не оставалось ни-

чего болѣе, какъ рисковать всѣмъ и я поставилъ брамсели. Онъ также несъ брамсели на двухъ рифахъ у марселей, и скоро вошелъ въ мой кильватеръ. Каждая 10 минутъ наблюдалъ я его секстаномъ, однакожь не замѣчалъ, чтобы фрегатъ приближался. Къ моему счастью, часа чрезъ полтора начало прочищаться и берегъ открылся, но онъ упорно продолжалъ гнаться за мною и лишь тогда привелъ въ бейдевиндъ, когда оставалось не болѣе двухъ миль до входа въ портъ, куда я прибылъ благополучно. Какъ только усмотрѣна была изъ города погоня за мною, всѣ жители собрались на пристани и встрѣтили меня съ торжествомъ; въ особенности мои товарищи, ожидавшіе каждую минуту, что я сдѣлаюсь добычею сильнѣйшаго непріятеля. Со всѣхъ сторонъ привѣтствовали меня вопросомъ: «какъ ты могъ избавиться отъ Тартара, считающагося лучшимъ ходокомъ между Англійскими судами?» Я отвѣчалъ, что и при выходѣ моемъ изъ порта, онъ также гнался за мною и также безуспѣшно, и удивленію не было конца. Но когда первый восторгъ миновался и я описалъ товарищамъ, со всею подробностію, мои дѣйствія во время крейсерства; когда они увидѣли, что результатъ есть неудача; то и сдѣлали мнѣ вопросъ: «что я думаю предпринять теперь?» Не заиниваясь, я отвѣчалъ, что должно немедленно снабдить брикъ провизіею и выслать въ море. Они съ своей стороны объявили, что рѣшились окончить наше предпріятіе и продать судно. Я увѣрялъ, что мы должны будемъ отдать его за безцѣнокъ. Они возражали, что хотятъ лучше потерять часть, нежели весь капиталъ и насчитали мнѣ нѣсколько человѣкъ, совершенно раззорившихся отъ своихъ приватировъ, взятыхъ Англичанами. Нѣсколько сутокъ мы спорили и ничего не предпринимали. Наконецъ я убѣдилъ ихъ въ превосходствѣ нашего судна, въ несомнѣнномъ успѣхѣ, какой оно общаетъ, и вызвался идти на немъ безъ жалованья. Они согласились пожертвовать провизіи еще на полтора мѣсяца, и послѣ того, если не будемъ имѣть ни какаго успѣха, то продать

судно. По окончаніи кампаніи, мнѣ пазпачено было войти въ ближайшій и удобный портъ, но ни какъ не возвращаться назадъ мимо опаснаго поста, занимаемаго Тартаромъ.

«Черезъ двѣ недѣли я вышелъ въ море и благополучно достигъ до прежняго своего мѣста къ выходу изъ Бельта, гдѣ прокрейсеровавъ 14 дней безъ всякаго успѣха, выбѣжалъ въ Категатъ. На третій день моего прихода, густой туманъ заставилъ меня лечь въ дрейфъ часа на четыре. Въ это время подошло вплотъ къ моему борту трехъ мачтовое купеческое судно. Наполнивъ гротъ-марсель, я тотчасъ его опросилъ, немедленно абординовалъ и безъ хлопотъ взялъ его. Судно было нагружено колониальными товарами, ночью отстало отъ конвоя и при разсвѣтѣ, за пасмурностію, уже не могло съ нимъ соединиться. До меня доходили выстрѣлы конвоировъ, когда я лежалъ въ дрейфѣ, но какъ они слышны были у меня подъ вѣтромъ, то я и оставался покойно на мѣстѣ.

«Овладевъ дорогомъ призомъ, я находился въ 40 миляхъ отъ Гельсинора и съ попутнымъ вѣтромъ спустился туда вмѣстѣ съ моимъ сокровищемъ. Счастіе мнѣ благопріятствовало; туманъ очистился, когда я подошелъ очень близко къ Гельсинору, гдѣ и сталъ благополучно на якорь. Товарищи мои не замедлили явиться и были въ полномъ восторгѣ, ибо одинъ грузъ судна оцѣненъ былъ слишкомъ въ шесть разъ болѣе того, чего намъ стоилъ брякъ и всѣ сдѣланныя на него издержки. Взятое судно было не старое, въ 700 тоннъ; на покупку груза нашлись тотчасъ охотники и я очень желалъ скорѣе кончить продажу и идти вновь за добычею. Но товарищи не довольны были цѣной и опредѣляли ее такъ, чтобы чистая прибыль выходила въ шесть разъ болѣе стоимости судна, а потомъ настоятельно рѣшились продать, какъ взятое судно, такъ и брякъ, и тѣмъ окончить нашу компанію.

«На мою долю доставалась третья часть груза; я продалъ ее и купилъ у нихъ нашъ общій брякъ; поручивъ имъ заняться продажею призоваго судна, а самъ пустился

ся въ море на новые поиски. По выходѣ изъ Гельсина-
ра, я отправился опять въ большой Бельтъ; мнѣ много
обѣщало превосходство въ ходѣ судна, и въ этотъ разъ
дѣйствія мои были уже несравненно отважнѣе, сколько
по увѣренности въ брикѣ, столько и потому, что я не
боялся, чрезъ потерю судна, лишиться всего моего иму-
щества. Смѣло подходилъ я на видъ всякаго конвоя и на-
блюдалъ его; разумѣется, каждый разъ за мной были пого-
ни, но къ великой досадѣ конвоировъ, я шутя ускользалъ
отъ нихъ. Лишь только они прекращали погоню, я снова
бросался къ конвою и неотступно за нимъ слѣдовалъ.
Самыя вѣрныя мои союзницы были долгія и темныя осен-
нія ночи. Нѣсколько разъ я врѣзывался въ самую среди-
ну конвоя, и часто безъ всякаго успѣха, только надѣла-
ешь конвоирамъ тревогу. Но два раза, такимъ образомъ,
удалось мнѣ вывести по призу. Третье судно въ это лѣ-
то я взялъ въ Каттегатѣ съ разсвѣтомъ; оно отстало отъ
конвоя. Осенью, имѣя надежное судно въ ходу, и зная
хорошо берега Бельта, здѣсь можно съ небольшимъ рис-
комъ захватывать призы вѣрнѣе, нежели въ Каттегатѣ или
въ другомъ открытомъ плаваніи. Тутъ конвой обыкно-
венно на ночь становятся на якорь. Замѣтивъ, гдѣ
расположены конвоиры, можно смѣло, безъ шума выби-
рать суда, лежащія отъ нихъ подалѣе. Если конвой остает-
ся подъ парусами, то и тогда въ лунную, но пасмур-
ную ночь, приватиры могутъ безъ труда выхватывать се-
бѣ призы изъ большаго конвоя.

«Три приза мои разбросалъ я по разнымъ мѣстечкамъ
Бельта, и хотя поручилъ заняться продажей ихъ людямъ
надежнымъ, однакожъ, желая скорѣе все порѣшить, и
привести въ извѣстность мое состояніе, я положилъ окон-
чить плаваніе въ половинѣ Октября. Призы состояли изъ
трехъ брикковъ: одинъ былъ съ колоніальными товарами,
другой съ мукою изъ Балтики, и третій съ баластомъ.
Все вмѣстѣ, суда и товаръ, доставили мнѣ болѣе полови-
ны того, чего стоилъ первый призъ съ грузомъ.

«На другое лѣто я опять выходилъ сторожить конвой,

но счастье уже мнѣ измѣнило. Въ Августѣ взялъ я одинъ брикъ съ баластомъ, отвелъ его въ портъ и по выходѣ изъ него встрѣтилъ тотчасъ такой крѣпкій вѣтръ, что не могъ никуда спуститься, ни отойти отъ берега, и брикъ мой бросило на мель. Хотя вѣтръ скоро стихъ, однакожъ съ величайшимъ трудомъ и съ большими поврежденіями сняли его съ мели. Послѣ этой неудачи я вошелъ въ гавань и съ нынѣшняго лѣта пустился въ коммерческія предпріятія.»

Когда Датскій капитанъ кончилъ рассказъ, всѣ вышли на верхъ и увидѣли брикъ его у насъ на траверсѣ, убиравшимъ фокъ, что и послужило еще къ большому удостоверенію въ справедливости тѣхъ достоинствъ, какія приписывалъ ему командиръ его. Однакожъ въ этомъ случаѣ датскій брикъ пошелъ впередъ, потому что вѣтръ, сдѣлавшись почти фордевиндъ, былъ наименѣе выгоденъ для нашего брика.

На Рижскомъ рейдѣ нашли мы на якорѣ Англійскій военный шлюпъ и два брика. Мы стали подлѣ нихъ, а датское судно ввели въ рѣку. Капитанъ, съѣзжая на берегъ съ донесеніями, отдалъ приказаніе, чтобы, по приходѣ конвоя, ввести въ рѣку всѣ суда, а самими быть готовыми вступить подъ паруса тотчасъ по его возвращеніи.

Но чрезъ три часа вѣтръ засвѣжѣлъ и развелъ такое волненіе, что шлюпки не могли выходить изъ рѣки и капитанъ долженъ былъ остаться на берегу. На другой день вѣтръ очень скрѣпчалъ и мы спустили брамъ-стенги и вытравили 150 сажень канату. Одинъ изъ Англійскихъ бриковъ далеко продрейфовало и онъ принужденъ былъ бросить другой якорь.

На третій день рано утромъ пріѣхалъ нашъ капитанъ; мы тотчасъ снялись съ якоря и чрезъ три дня соединились съ фрегатомъ Амфитрита. Брикъ Ренждеръ предупредилъ насъ нѣсколькими часами; онъ не успѣлъ обогнать Домеснесъ и весь крѣпкій вѣтръ держался въ Рижскомъ заливѣ. Фельдъегеря отравили въ Стокгольмъ на

корветъ Помона. Онъ лавировалъ еще въ виду, и мы съ завистию смотрѣли на корветъ, въ третій разъ шедшій въ Швецію; и потому болѣе, что кампанія наша, продолжавшаяся слишкомъ три мѣсяца, приходила уже къ концу. Однакожъ она была очень пріятна по своему разнообразію, поучительна во многихъ случаяхъ для начинающихъ служить на морѣ, и достопамятна тѣмъ, что начальникъ отряда нашего И. Р. Т. имѣлъ счастье получить одно повелѣніе, написанное собственноручно Императоромъ Александромъ I.

=